

Литкультпривет!

Литературно-художественный журнал

Родной уголок. Флорариум. Светлана Привалова.

10(144)

октябрь 2024 г.

Ежемесячный журнальный выпуск Литкультпривет!

Основан 30 октября 2012 г.

п.г.т. Нижний Ингаш

Октябрь №10 (144) 2024 г.

Юбилейный календарь

210 Михаил ЛЕРМОНТОВ

еликий поэт и прозаик.

Родился в Москве 15 октября 1814

года, умер в результате дуэли 27

июля 1841 года в Пятигорске.

Творчество Лермонтова, сочетающее

личные переживания, политические

убеждения и философское

мышление, повлияло на всю

русскую литературу...

130 Юрий ТЫНЯНОВ

Юрий Николаевич Тынянов (6

(18) октября 1894 — 20 декабря

1943) — русский советский

прозаик, драматург, сценарист,

переводчик, литературовед и критик,

представитель русского формализма.

Тынянов известен своими романами,

повестями, рассказами, переводами

и сценариями к кинофильмам.

В 1920-е годы Тынянов выступал

как литературовед и литературный

критик, опубликовал книги

«Достоевский и Гоголь (к

теории пародии)» и «Проблема

стихотворного языка».

В НОМЕРЕ:

ПОЭЗИЯ

Евгений Степанов	
Стихи.....	8
Сергей Прохоров	
Стихи.....	10
Николай Ерёмин.	
Стихи.....	12
Виктор Магоня	
Стихи.....	18
Сергей Целищев	
Стихи.....	30

ПРОЗА

Евгений Татарников	
“Капусту квасить, это вам не портвейншок пить”.....	3
Людмила Брагина	
“Последняя кукла”.....	16
Юрий Александров	
“Дорога в святую обитель”.....	24
Сергей Хоршев-Ольховский	
Рассказы.....	34
Александра Дымовских	
“Как я провела лето.....”.....	40

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Красоту природы в дом.	
Автор Светлана Привалова.....	43

Редактор **Сергей Прохоров**
Красноярский край,
Нижний Ингаш.

**Евгений
ТАТАРНИКОВ**

Ижевск

О себе.

Евгений Татарников, 62 года.

Живу в г.Ижевск.

Закончил в 1982 году МВТУ

им.Баумана.

Работал на ПО "Ижмаш".

Закончил высшие курсы МВД

СССР и был на оперативной

работе.

Подполковник милиции в

отставке.

Любимые писатели: Шукшин

и Гоголь.

«Квасить капусту, это вам не портвейшок пить»

Из цикла «Громушка»

Ижевск 1965 год.

– Мам, а мам. Откуда берутся дети? – спросил я, когда ходил в детский сад, и мне было пять лет.

– Тебе это ещё зачем?

– Надо, мам.

– Иш, надо ему! От горшка два вершка, а ему уже надо...Тебя нашли в капусте, – недовольно ответила она.

– В квашенной, да мам?

– Нет, в свежей капусте сорта «Слава», она как раз хороша для засолки, – ответила мать, ища что-то глазами, может ремень.

– Это неправда. Светка говорит, что её принёс аист из тёплых мест.

– Аист её принёс и бросил в огород дяде Славе в капусту, там и нашли твою Светку. Ну, всё прекрати мне эти разговоры, пойдём лучше купим в «Громушке» ирис «Кис-кис».

– Нет, мам, купим лучше ирис «Зубава», он вкуснее и меньше пристаёт к зубам.

– Не зубава, а ирис «Забава», поправила меня мама, – и мы пошли в магазин «Громушка».

Ижевск, поздняя осень 1970г.

Прошло 5 лет, и я набрался «уличного ума» и теперь знал, откуда берутся дети и как квасят капусту, как дядя Слава почти каждый день «квасит» портвейшок «Три семерки». Я уже знал наизусть таблицу умножения, и, перемножив 3 на 7, вывел, что это «очко»-есть такая игра в карты. И мы втихаря за кладовками в неё играли на «шалбаны в лоб» Лоб болел и чесался, и через день на лбу вырастал рог.

– Что у тебя на лбу? – спрашивал грозно отец. И я врал:

– Получил чижом в лоб, когда играли в лапту с ребятами.

В «очко» играли до тех пор, пока бабка Ньюра- вредная старуха, не застучала нас за этим занятием. Потом отец выдрал меня как «сидорову козу», я распустил нюни до колена, блеял, что больше никогда играть в карты не буду, только в шашки – чапайки и лото. Слово я свое сдержал и занялся другими более опасными играми: взрывал карбид в бутылках и стрелял по банкам из поджига, воруя дома спички, так как для поджига нужна была селитра. Пришла поздняя осень, настало время квасить капусту.

«В Московии произрастает обыкновенная белая капуста, которой русские заготавливают большие запасы и которую простолюдины едят по 2 раза в день». (Так писал в XIII веке некий Корнилий де Буин). Иноземец был прав – на Руси к капусте с давних пор относились почти с религиозным обожанием. День праздника Воздвижения практически повсеместно считался датой начала сбора урожая капусты. Её квасили, солили, в этот постный день из неё готовили различные блюда. В этот день 27 сентября поселяне говорили: «Смекай, баба, капусту на Воздвиженьевдень», или «У доброго мужика на Воздвиженьевдень и пирог с капустой». В эпоху открытий, завоеваний новых континентов и островов моряки брали, кислую капусту про запас. Эта почти бесплатная заготовка спасала моряков Руси от страшной болезни – цинги. В то время как

иностранные моряки брали в плавание дорогие апельсины, которых не хватало на всю команду.

– Женька, сбегай в кладовку, за мешком, пойдем в «Громушку» за капустой.

– Че, пап, капусту будем квасить, да? – спросил я.

– Да, будем. Самое время настало, скоро холода ударят, – ответил он, затыгиваясь «Беломором», запах которого я забыл с тех пор, когда батя впервые поймал меня в первом классе за этим делом, видя табачные кольца, которые я пускал в форточку. Он меня увидел с улицы, а я его не видел из дома из-за этих табачных колец. В туалете он мне «всыпал ремня» моим же школьным ремнём, который был так себе по сравнению с кожаным армейским, который носил он, то ли для форса, то ли, в память об армии, в которой он служил два года.

«Квашенье капусты – русский обычай»

Квашенье капусты – процесс, ставший на Руси, да и в СССР тоже практически народным обычаем. В советское время было несколько занятий, невероятно объединяющих семью. Помните, как коллективно лепили пельмени, играли в настольные игры, а по осени квасили капусту. Заготовка капусты на зиму на Руси шла поздней осенью, когда при первых слабых морозах капустные вилки «свёртываются круче» и становятся более твёрдыми. Именно поэтому старики молодухам говорили: «..как капуста от мороза крепчает, так и молодую семью испытания, прожитые вместе сплавляют... в веселье и благости быть вместе легко, но то не семья, а вот в труде, да горе пережить вместе – то уже семья настоящая» Помните, как писатель Шмелёв описывал это квашенье капусты: «А вот и другая радость: капусту рубим! После Воздвижения принимаются парить кадки под капусту... Василь-Василич заправляет одним корытом, другим – я с Горкиным. Двадцать возов капусты, весь двор завален: бело-зелёная гора, рубить – не перерубить... Корыта из толстых досок, огромные, десять сечек с каждого бока рубят, весело слушать туканье – как пляшут! В том корыте серую капусту рубят, а в нашем – белую. Туда отбирают качаны позеленей, сдают зелёные листья с нашей, а в наше корыто кидают беленькую, «молочную». Называют – «хозяйское корыто». Я шепчу Горкину: «А им почему зелёную?». Он ухмыляется на меня: «Знаю, чего ты думаешь... Обиды тут нет, касатик. Ваша послаще будет, а мы покрепче любим, с горчинкой, куда вкусней... и как заквасится, у ней и дух пронзней... самая знаменитая капуста наша, серячок-то... Весёлая – капуста эта!».

Именно с Осеннего Сварожья (Воздвиженья) в деревнях начинались женские и девичьи капустные посиделки. Они продолжались две недели. Молодёжь с нетерпением ожидала данного времени: здесь можно было за разговорами, шутками – прибаутками высмотреть пару, в работе проверить друг друга. Кадки во всех семьях доверху наполнялись капустой. В каждом доме накрывались столы с закусками. Входя в дом, гости поздравляли хозяев с хорошим урожаем. Девушки наряжались на капустницы и старались показать своё трудолюбие, а хозяйки присматривались, которая невеста удалая. На капустных посиделках могло завязаться знакомство с хозяйским сыном, а там – глядишь, и свадьба.

«Деревянная кладовка – атрибут советского времени»

И я радостный побежал в кладовку. Она находилась недалеко от дома в длинном деревянном сарае, где было 10 кладовок. У каждой квартиры была своя кладовка. У нас в кладовке была яма, где хранилась квашеная капуста, картошка, а ещё в ней отец хранил мёд и сливочное масло, так как холодильника в то время мы не имели, он считался в то время почти роскошью. В этой яме отец, как бурундук, делал запасы на зиму. Я любил, когда был маленький, ходить с отцом в кладовку. Придём туда, спустимся в яму, зажжем свечку, и он мне ложку меда в рот, ам. Потом ложку сливочного масла, ам. Полный рот витаминов. Ещё в кладовке были полати или как сейчас говорят антресоли, где отец хранил всякий хлам, место которому было на помойке. Правда, среди этого хлама, я, став постарше, находил такие раритеты. Ух, их бы сейчас в музее каком –нибудь выставить, может даже в Эрмитаже, цены бы им не было. Ну, а они в то время пылились в «запасниках» отца и ими любовались умные крысы. В кладовке у нас были залежи: журналов «Огонек», «Роман-газета», «Юный техник», «Русский язык и литература в школе», «Агитатор», «Коммунист» и разные газеты. Я периодически таскал старые газеты из кладовки в школу, когда мы классом собирали макулатуру, но журналы не трогал, авось ещё пригодятся, буду их читать, если их быстрее меня не прочитают умные крысы. На глаза попался старый чемодан, мы в нем хранили елочные игрушки, открыл и я стал их рассматривать. Здесь были стеклянные и картонные герои сказок, звери, фрукты и овощи.

– Жень, че так долго за мешком бегал? Опять там, на полатах что – то искал? – спросил отец.

– Да, журнал хотел найти «Юный техник», в нём чертежи самоката были, – соврал я и заметил, что часто стал врать, так и завратиться можно.

– Зачем он тебе?

– Мешки с капустой возить, – опять соврал я. Ну, что я вам говорил про враньё-моё, Правда это, а потом сказал правду: – Пап, в кладовке ещё пол кадки квашенной капусты прошлогодней осталось. Что с ней будем делать?

– Мамка сегодня из неё квашенные щи сварит, объединение с утра.

– Пап, почему с утра, а не в обед? Кто утром суп есть?

– Эх, Женька, подрастёшь узнаешь, каково это с утра выпить холодных щей... – улыбаясь сказал отец, хотя

я его восторга по этому поводу не разделял.

– Хорош врать уже, пошли в «Громушку», – сказал отец, надевая на голову фетровую шляпу. В то время почти все мужики ходили или в шляпах, или в фуражках. И им было пофиг куда в них идти или в кладовку, или в театр, или за капустой. И Бари Алибасов в молодости носил шляпу. Однажды она у него упала, и он потом хит сочинил для нанайцев:

«Упала шляпа, упала на пол,
И ветром шляпу шляпу унесло
Хоть всюду слякоть не надо плакать
Но было горе, было, и прошло».

Мы с отцом шли в «Громушку» Вдогонку мать кричала отцу: «Феликс, купи в «Громушке» пачку крупной соли для засолки капусты». Навстречу нам ползли с мешками на хребтине мужики, согнутые в «три погибели». Бабы шли рядом и страховали их, чтобы они не упали.

– Пап, пап нам то хватит капусты? – спросил я, глядя на этих мужиков.

– Не переживай сынок, хватит аж до весны, а может и до лета, – ответил он.

Эпилог

Мы подошли к овощному ларьку, где продавали капусту. На нём болтался лист, на котором коряво было написано: «Капуста закончилась, приходите завтра». Вокруг валялись грязные капустные листья, по которым ходили вороны и долбили их клювами. Ну, а нас дома будет долбить мать.

– Мать вашу! Ну, ничего вам нельзя доверять!!! – кричала она, стоя у дубовой чистой кадки с большим кухонным ножом, похожая на атаманшу из «Снежной королевы». А отец про себя думал: «Ну, все придётся квасить сегодня портвейшок под названием «Очко»- 3 семерки. А утром отец жадно пил из бутылки кислые щи, которые ему мама сварила из прошлогодней квашенной капусты, рецепт которой прочитала в «Мертвых душах» Николая Гоголя. Мама преподавала в школе русский язык и литературу в старших классах и знала Гоголя, как «Отче наш». Кто читал в школе этот роман знают, что Чичиков запивал холодную телятину «питьевыми щами». Их употребляли после бани и с похмелья. Сегодня кислыми щами называют суп из квашенной капусты. А ведь ещё 150 лет назад кислые щи стояли в одном ряду с квасом и брагой. И если бы вы в то время заказали в трактире кислые щи, то вам принесли бы не миску с супом, а кувшин с напитком. То есть кислыми щами именовалось не первое блюдо, а напиток. Так, их упоминает Александр Сергеевич Пушкин в одном из черновиков, которые современные литературоведы относят к «Евгению Онегину»:

«Приму в родство себе лакейство:

У них орехи подают

Да кислы щи в театре пьют».

«А кто виноват, — сказал Гаврила Афанасьевич, напняя кружку кислых щей. — Не мы ли сами? Молоденькие бабы дурачатся; а мы им потакаем», – писал Пушкин в 4 главе «Арапа Петра Великого». Когда я подросток и увлёкся Гиляровским, то в его знаменитой книге «Москва и москвичи» прочитал: «Кислые щи — напиток, который так газирован, что его приходилось закупоривать в шампанки, а то всякую бутылку разорвёт». Так, что мой батя ещё тот был «профессор кислых щей», хотя это совсем не так, как я прочитал в «Большом словаре русских поговорок», что это выражение относят к иронично-разговорным и так говорят «о самоуверенном глупце, выскочке», каковым мой батя никогда не был.

Евгений СТЕПАНОВ

Москва

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель, кинорежиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института, Университет христианского образования в Женеве и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. В советское и перестроечное время работал в журналах «Огонек», «Столица», «Мы», «Трезвость и культура», газетах «Семья», «Совершенно секретно», «Ступени», «Крестьянская Россия» и др. Редактировал корпоративные газеты «Вестник Мосэнерго» и «Госстрах». В настоящее время издатель-главный редактор журналов «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Зарубежные записки», газет «Литературные известия», «Поэтоград», портала «Читальный зал» и других литературных СМИ. Заместитель главного редактора газеты общественных организаций МИД РФ «Наша Смоленка: Люди и дела». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» (за трехтомную монографию «Жанры и строфы современной русской поэзии»), премий журналов «Нева» и «Сура» (за стихи). Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

НАБРОСКИ МОЕГО ПОРТРЕТА

РАЗГОВОР НА КЛАДБИЩЕ.
ДВА ОЧЕНЬ ПОХОЖИХ ГОЛОСА

— Ты, смелый, честный и... святой,
Накрыт могильною плитой.
А я трусливый, грешный... Это
Наброски моего портрета.

— Я не святой; душевный шлак
Есть и во мне; и каждый шаг
(Почти что каждый!) — шаг греховный.
Я был и есть во всем виновный.

— Ты жив?
— Конечно. Мертвых нет.
Узнаешь сам... А твой портрет
Навроде мрачной ахины.
Ты лучше. Ты смелей. Сложнее.

2024

ПИСЬМО ОТ ОДНОГО МОЕГО ДРУГА

На крытке нет, увы и ах,
И пяди неба. Мало света.
И только звезды на плечах
Заезжего авторитета.

И голод трудно побороть.
И холод — темными ночами
А все-таки и здесь Господь,
Как вертухай, следит за нами.

2024

ТУР

Уплыл от нас Тур Хейердал.
Он умер — и не прогадал.

А нас без Тура Хейердала
Тоска рогами забодала.

А Хейердал, который Тур,
Отправился в небесный тур,

Чтоб сделать новое открытие.
...А здесь опять кровопролитье.

2002, 2024

ТАК БЫВАЕТ

Так бывает — что песенка спета, если гаркнет любимая: «Вон!»
Вот и бродит по улице где-то одинокий небритый гормон.

То пойдет в магазин за водярой, то с полочки попрется в кабак.
И гормон этот вроде не старый, но в любви невезучий чудак.

Он идет средь березок и пашен, он куда-то идет наугад.
И однажды, как Женя Лукашин, с пьяных глаз попадет в Ленинград.

Вот тогда и наступит удача, гармонично гормон заживет.
И Надюшу, от радости плача, он полюбит, как пасечник — мед.

2015, 2024

Сергей ПРОХОРОВ

Нижний Ингаш

*Сергей Тимофеевич Прохоров
- член Союза писателей
России, член -корреспондент
литературной академии
республики Крым, член
Международной Федерации
русскоязычных писателей,
автор более двух десятков
книг . Основатель двух
литературно-художественных
журналов: «Истоки» и
«Литкультпривет!» известных
в России и за рубежом. За
вклад в русскую словесность
и национальную культуру
награжден Международной
Федерацией орденом
«Культурное наследие».*

БЫЛО МНЕ ВИДЕНИЕ

Сор,
суть,
щит,
стояние
Света против лжи,
Со-
су-
щест-
вование
В мире – это жизнь.
Не кичусь я гением,
Боже упаси!
Было мне видение
Вечности Руси.

КАК ОТ ИСКРЫ

В коем году
Всякий недуг
Вышибу дней я,
Просто пойду
В небо войду,
С неба виднее.
Выроню крик
Я в пустоту
Людского днища.
Как от искры
На бересту
Вспыхнет кострище.

ПРОСТОТА

Что такое простота?
Песня? В поле ветер ли?
Я спросил вас просто так,
Просто вы ответили.
А я понял широко,
Просто так - как дышится,
Простота, когда легко
Видится и слышится.

ГДЕ ГУСИНОЕ ПЕРО?

И захочется, порой,
Взять гусиное перо,
Заострить его
И обмокнуть в чернила.
Я ж по клавишам стучу,
На компьютере строчу,
Что душа главою грешной
Сочинила.
А так хочется, порой...
Где гусиное перо?

ЗА УШЕДШИМ ЛЕТОМ

Мир нас бременем тупил,
Ох уж, это бремя!
Уж октябрь наступил,
Всему свое время!

Опадающей листвою
Нас он обвенчает,
Хладных будней торжество
Всем нам обещает.

А кругом такая жуть! –
Чёрте что творится!..
За политикой слежу,
Чтоб не раствориться.

Лично мне не всё равно
Состоянье это...
И грущу на мир в окно
За ушедшим летом.

КОГДА ТЕБЕ ЗА ВОСЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ

Душа чего-то тягостно томится,
Дождь за окном пропел зарнице вслед.
Всё чаще по ночам уже не спится,
Когда тебе за восемьдесят лет.

Взгляну на всё с улыбкою невинной,
На дряблость плеч накинута старый плед.
Писать стихи, наверное, наивно,
Когда тебе за восемьдесят лет.

А рифмы и метафоры, как маги –
Всё прут и прут и срока лет им нет,
И всё ложатся строки на бумаге,
Как прожитые восемьдесят лет.

Николай ЕРЁМИН

Красноярск

Ерёмин Николай Николаевич родился 26 июля 1943 года в городе Свободном, Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А.М.Горького в Москве. Член СП СССР с 1981 г. Союза российских писателей с 1991г. и русского ПЕН-центра международного ПЕН-клуба. Кавалер Золотой медали «Василий Шукшин». Автор книг прозы «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья», «Волшебный котелок», «Чучело человека». Выпустил в свет Собрание сочинений в 6 томах, трёхтомник поэзии «Небо в алмазах». Николай Ерёмин является автором-составителем проекта «Миражисты». Лауреат премии «Хинган», «Нефритовый Будда» и «Сибирский Лев» (2019г) Победитель конкурса «День поэзии Литературного института - 2011» в номинации «Классическая Лирика». Дипломант конкурса «Песенное слово» им. Н.А.Некрасова. Награждён ПОЧЁТНОЙ ГРАМОТОЙ министерства культуры РФ.

ИЗ ЧАШИ ОСЕНИ МОЕЙ

Из чаши осени моей
Глядят в меня умерших лица...
И говорят: - Не пей! Не пей! –
Но пью – и не могу напиться...
Сентябрь 2024 Красноярск

ПЛЮС Григорию ШУВАЛОВУ

Хорошо на осеннем рассвете
Вдруг воскликнуть, поняв, что к чему:
- Ой, стихи, поднимите мне рейтинг! –
И всё будет у нас по уму...
Сентябрь 2024 г

ОКТАВА ПАМЯТИ ДОСТОЕВСКОГО

Россия-процентщица грабит наивный народ,
Хоть знает, что скоро её кто-нибудь да убьёт...
Хоть видит, что входит! - наверно, убийца и вор, -
Почти не скрывая за пазухой острый топор...

Почти не скрывая, увы, азиатский акцент...
И всё-таки просит с клиента смертельный процент...
Покуда над городом гневно грохочет гроза...
И Фёдор Михайлович смотрит с портрета в глаза.

ОКТАВА ПРО НЕВУ И ЕНИСЕЙ

Как хорошо родиться в Петербурге...
С поэтами и музами дружить...
Неву любить... И о любви в восторге
Писать стихи... И - так на свете жить,
Чтоб каждый, кто в Сибири побывал,
Меня и Енисей не забывал...
Как я здесь - ни во сне, ни наяву,
Увы, не забываю про Неву...
И вспоминаю, прикусив губу,
То Пушкина, то Бродского судьбу...
2024

НЕ ОБЕЩАЙ!

Не обещай ни счастья, ни любви...
Всё это – дефицит между людьми.
Не обещай! Неважно – там ли, тут –
Обещанное сразу отберут...
Вернуть пообещают, это да,
Но не вернут - нигде и никогда.

Век мирской истекает...
Сколько зим – столько лет...
Где артист Луспекаев?
Окуджава? Привет!
Смерть поёт, что вот-вот
Ей в любви повезёт...

ИНФАРКТ МИОКАРДА

Он убивал в себе любовь
То алкоголем, то развратом...
И, ощутив на сердце боль,
Вдруг расщепился, точно атом...
Врач констатировал «инфаркт».
Смерть без любви – прискорбный факт.

ИИСУС

- Я в первый раз в Израиле воскрес...
Там был у нас взаимный интерес...
А вот в России – грешный, напoказ
Воскреснуть не могу в который раз...
- Да, с этим здесь проблема... Всюду смерть.
Увы, здесь можно только Умереть.

ЭПИТАФИЯ

- Пейте над моей могилой!
Пойте и пляшите!
И стихи – небесной силой
Полные – пишите...
Чтобы я воскрес...
Вот мой интерес.

ПСЕВДОНАРодНЫЕ ЧАСТУШКИ

- Ой, подружка, ты права!
У меня от страсти
Раскололась голова
На четыре части...

Приходи ко мне на чай!
Утоли мою печаль...
Или сам я вечером
Вновь нагрюну с коньяком!

СНЫ

Смотрю в окно – там сакура цветёт...
И сон мне навевает гаолян...
Миг – и счастливым стану я вот-вот...
И полечу туда, где океан...
Как в детстве или в юности мечтая
Японии достичь или Китая...
Все сны мои до ужаса просты:
Открылась в небо дверца самолёта –
И я смотрю... И прыгнуть мне охота
В глубины высоты и красоты...
Навстречу Солнцелунному лучу...
Я прыгаю... И в ужасе лечу...

ХОТЕЛОСЬ

Хотелось быть вместе, всего лишь!
Но всюду, увы, - беспредел:
Наш поезд ушёл – не догонишь...
А наш самолёт – улетел...

МОЛВА

- Кто нужнее всего
Нам с тобою, молва?
- Не хочу никого -
Только Хлебникова!

Всюду - безбожная
Страсть к омолаживанию,
И к огорошиванию,
И к огораживанию...

ПОД ЗАНАВЕС

- Стихотворения –
Чудо творения...
Слава Творцу,
Мне, молодцу!

Антарктида моей души - подо льдом...
Атлантида моей души - под водой...
Андромеда моей души - в небесах,
А вокруг – молодой Звёздный прах...

Мелодия звучит во сне
И наполняется словами...
Гармония во мне и вне
Важней, чем хаос между нами...

Хватит нам покупать, продавать!
Братья! Нужно – дарить, даровать
Всем – О, Господи Боже, прости, -
Сколько смогут к Тебе унести!

ФУТУРИЗМ

На трассе – бешеные скорости,
Как в манифесте Маринетти...
И нет ни в ком покорной робости
Перед лицом грядущей смерти...
Лишь я дрожу, как жёлтый лист –
Хотя в душе и футурист...

РУСАКОВУ СОНЕТ НА ТОТ СВЕТ

Вот и осень наступила –
Вдруг, всерьёз, без дураков...
- Ах! - И умер...- Где могила?-
Друг мой Эдик Русаков.
Он - прозаик. Я - поэт.

Но для нас могилы нет!
Есть осеннее пространство...
Миг и вечность... Глубь и высь...
Воля. Рабство и тиранство.
Ах! Сошлись – и разошлись,-
По дороге в рай и в ад
Наблюдая звездопад,
Новой жизни благодать...
Дай Бог встретиться опять!
12 сентября 2024 г

ОТВЕТ-ПОЛУСОНЕТ

- В любую щёлку я пролезу!
В любую дырку я пройду!
Любую тезу-антитезу
С собой сквозь дверцы проведу,
Мне на земле преграды нет!
Каков вопрос – таков ответ:
Бессмертный пропуск на Тот свет...
2024

ЛЕТАЮЩИЙ ПРИНЦ

Антуан Жан-Батист Мари Роже де Сент-Экзюпери.

Был Антуан де Сент-Экзюпери
Большим поэтом, что ни говори...
Но, будучи Большим, когда летел,
Всегда стать принцем Маленьким хотел...
Недаром нам, всем, кто бескрыл и мал,
Пропел его пропеллер – и пропал...

Я и ТЫ

Я ушёл от тебя
И пришёл к себе,
И ушёл в себя...
Ты ушла от себя
И пришла ко мне,
Но меня не нашла...
И пришла в себя,
И ушла к себе,
И ушла в себя...
Так с тех пор и живём,
Каждый – сам по себе –
Хлеб жуём...

СОНЕТ ПРО СПИНОЗУ и ПОЭТА

В рабовладельческой отчизне
Меж господином и рабом
Спиноза думает о жизни,
Согнувшись под своим горбом...
- О чём ты думаешь, Спиноза? –
Спросил его хмельной поэт.
- О будущей судьбе колхоза...
- Очнись! Давно колхозов нет!
И ни рабов, и ни господ...
Взгляни, как - счастлив - весь народ
У речки водит хоровод,
Ест шашлыки и водку пьёт!
- Колхозов нету, говоришь?
Так проходи, чего стоишь?

ПОКАЯНИЕ

О, Муза! Я должен признать:
В тебе лишь – моя благодать...
Грешно без тебя просыпаться...
С тобою грешно засыпать...

И, чтобы покаяться, вновь
Шепчу я тебе про любовь...

С УМА СШЕДШИЕ

С ума сшедшие
Хотят покончить с жизнью...
А покончившие с ней –
Хотят воскреснуть...

ЗЛОДЕЙ

Медоточивая Медея
И ясновидящий Ясон
Искали вне себя злодея,
Чтобы сказать: - Виновен он!

ИМЯРЕК

Я вчера удивил имярека,
И меня рассмешил он, зараза:
- Ты - поэт ХХI- го века?
Значит, я - ХХI-го глаза!

Всё хорошо, что гениально,
В чём остроумие и прыть...
А слабоумие – банально...
И что об этом говорить?

- Выпьем за тех, кто своё не допил!
Кто не допел, не дошёл, не доплыл...
Чтобы когда-нибудь, - Эх! – как сейчас,
Кто-нибудь где-нибудь выпил за нас!

- Всю жизнь боролся я с безумием
У окружающих людей...

Они же поклонялись мумиям,
Рабы, кто - чувств, а кто – идей...

И на просторах всей Земли
Им Пирамиды стро-и-ли...

В которых - век за веком – в ряд -
Живые мумии царят...

Вновь на фоне стихов пустяковых
Я в кафешке провёл выходной...
Там, где много поэтов цветковых,
А цветаевых нет ни одной...
Но зато в этом славном кафе
Можно спеть и сплясать подшофе!

Мне кукушка считает года:
- Будешь жить и везде, и всегда! -
Ку-ку-ку... - И влюблён, и не стар!
...А в ответ раздаётся: - Кар-каррр...

Бизнесмен держался курса,
Типа – доллара к рублю...
А поэт держался пульса,
Типа – Я тебя люблю! –

Но, в итоге, меж забот
Тут – дефолт, и там – дефолт:
Шли по курсу, каждый рад...
- Ах! – и нет пути назад...

ГРИБНАЯ ПОРА

Осень наступила,
Выросли грибы –
И гудят уныло
Электростолбы...
Что грибы в росе –
Мухоморы все!
Тех,
Кто съест грибы,
Ждут, увы, гробы...
2024

ОКТАВА Владимиру МОНАХОВУ

Эпиграфы
«Пусть стихи мои в старости
Не печатают в «Юности!» Лев ТАРАН»
«Я тоже в «ЮНОСТИ» печатался,

Когда мне было 50...Владимир Монахов 13.09.2024 00:58»

В журнале «Юность» я печатался,
Когда мне было 50...
В журнале «Старость» напечатался,
Когда мне стало 60...
Теперь печатаюсь – О, да! –
В журнале «Вечность» - иногда,
Чтобы продлить года, - Туда,
Куда не ходят поезда.

АЛЛЕГОРИЯ

Туман...Стихотворный недуг...
Бессонный предутренний час...
Крылатые кони вокруг...
И мой вдохновенный Пегас...
И Муза – Его налегке
Ведущая на поводке...

СЮЖЕТ

из романа «Прощай, спиртное!»
«Но где по этим временам
Шекспира ты отыщешь?»
Екатерина-Августа МАРКОВА

Шекспир стремился к поллитровке...
О, тайно-явные уловки:
Купить, открыть и пригубить...
И хохот: - Пить или не пить? –
- Пей! – Восклицал Шекспир бухой, -
Не может водка быть плохой! -
... «Московская» тогда была
Наградой всем за все дела...
А Рижский был Сезам-бальзам –
Целителем душевных ран...
Хотя Хайям по всей стране
Твердил, что истина – в вине...
И все курили – стар и мал -
«Казбек» и «Беломор-канал»...
О, грешники Всея Земли! -
И накуриться не могли...

ТРИПТИХ ПАМЯТИ БОРИСА РЫЖЕГО

Сергею ЧУПРИНИНУ

1.
Призрак Лермонтова, Бродского двойник
Точно Ангел он всего на миг возник
На земле, чтоб, вольно глядя ввысь,
Прочитать стихи – и вознестись...
Удивив всех-всех до одного:
Вот ведь, - рядом был!
И нет его...
2.
Стихи Бориса Рыжего читаю...
.....
Я их сегодня знаю наизусть.
И всё-таки читать предпочитаю –
Такая в них пронзительная грусть
И так из каждой строчки смотрит смерть,
Что хочется сказать ей:
- Брысь! Не смей!
3.
Попасть в Свердловск...Нет, в Екатеринбург, -
Случайно, из эпохи Ренессанса...
Писать стихи, картины...Чтобы вдруг
Впасть в состояние прозрения и транса...
И возвратиться в свой родимый век,
Где ты, поэт, не раб –
Но человек...
ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

И сказал мне Судья, нет, совсем не сурово:
- Я даю вам, приятель, последнее слово! –
Равнодушно сказал, безразлично, формально...
И ему я ответил с волнением в груди:
- Моё слово – 12 томов – впереди!
Да пребудет у вас на душе благодать
И продлится лет пять...
Начинаю читать!

Мне Муза принесла в подоле...
И я сказал: - Всё в Божьей воле! –

Нет вопросов, нет желаний у поэта...
Почему случилось это? Нет ответа...

Стать известным – что может быть проще?
Дайте мне Триумфальную площадь,
Микрофон и обычный салют!
Опасаются... Не дают.

ТОГДА

Тогда была прекрасная погода!
Мы занимались продолжением рода...
Так почему сейчас, увы, меж нами
Какие-то торнадо и цунами?
сентябрь 2024

СОНЕТ О СЕМИ ВЕТРАХ

Как-то в Космосе густом
На семи ветрах
Я сравнил себя с крестом...
В сердце — звездный страх.
Посреди земных дорог
Вросший — вот беда! —
Там, где даже Бог не мог
Мне помочь тогда.
Но — пронизанный насквозь
Ветром — я шагнул...
И шагал, покуда шло
Сквозь небесный гул...
Забывая страх
О семи ветрах...
* * *

Нас доллары сгубили и рубли —
Мы разошлись, как в море корабли...
У каждого теперь — отдельный курс
И свой непотопляемый ресурс...
Ты — на Нью-Йорк рулишь? Я — на Москву...
Как хорошо: мы оба — на плаву!
* * *

Голубка голубя голубит...
По-русски это значит: любит...
И воркованье голубей
Перевожу я для людей
Стихами, в рифму: Кровь-Любовь,
Чтоб вспоминали вновь и вновь...
* * *

Снова, смиряя злость,
Спорят душа и тело:
— Я бы вернулась в молодость,
Если бы ты захотело...
— Если бы? В том то и дело:
Хочется — до беспредела...

ДРУГ С ПОДРУГОЙ
Мне от них никуда не деться.
Друг с подругой — обычные лица:
На него нельзя опереться...

На нее нельзя положиться...

* * *

Ты не доллар, я не цент,
Не годимся под процент...
Ты копейка, а я грош,
Не захочешь — не возьмёшь.

ПОЛУСОНЕТ ПРО УВЫ

Все поэты – пророки, увы,
Веселы, прозорливы, как черти,-
Ради славы и вечной молвы
Заняты предсказанием смерти:
Точный день, точный месяц, и год,
Час, и миг - чтоб шагнуть в небосвод
Посреди роковых несвобод.
2024

Что делать? И о чём писать?
Спасаться или же спасать?
Ведь каждый знает, ваша честь,
Что где-то там Спаситель есть...
И хочешь верь, или не верь,
Быть может, он стучится в дверь...
И ты решаешь, как тут быть?
Открыть её или не открыть?

ДЕЛОВОЙ СОНЕТ

Если мысли в Банке обналичить,
Станет ясно, что, назло молве,
Не хотят физичить и химичить
Нужные процессы в голове...
Чтобы, полегоньку-понемногу,
Я, как все, подвластный только Богу,
Вдруг поверил в тайный идеал,
И не в Банк, а в Церковь зашагал...
Где бы, под влияньем тайных чар
Получил бы главный Божий дар -

Вдруг! - и воскресил бы, друг молве,
Главные процессы в голове...
Чтобы вновь, как человеко-бог,
И физичить, и химичить смог...

Я пережил социализм,
Где кремль – и хаты с краю...
И вот теперь каннибализм
Опять переживаю...
На завтрак, ужин и обед
Ест людоеда людоед...
Который год подряд –
Лишь косточки хрустят...

Поэт заигрывал со смертью -
И на дуэли был убит...
Хотя, гуляя в Интернете,
Твердил стихи, что победит
Бессмыслицу и беспредел...
...И выстрел в воздух прогремел...
2024

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Не раз несла меня молва,
Душевную сужая ширь,
Дорогою «Сибирь-Москва»
Железною «Москва-Сибирь»...
Какая даль! Какая высь!

Приехал? Не забудь - вернись...

ОЖОГ

Она сказала мне: - Я не хочу!
Не прикасайтесь к моему плечу! -
И вздрогнула, прекрасно-горяча...
И дым поднялся от её плеча...

И понял я, что значит нелюбовь,
С ладони с болью слизывая кровь...

ЧТО ДЕЛАТЬ

Что делать, если дождь
Поёт, не умолкая,
Без слов? А в мире –дрожь,
От края и до края...

Да, Муза, ты права...
Придумывать слова!

АВТОГРАФ

Ну, вот, теперь меня все знают...

А тот, кто вправду прочитал,
Вином и водкой угощает...
И дарит в слитке драгметалл...
Чтоб без особенных забот
Я с Музой пережил дефолт...

И, похвалив меня опять,
Вдруг просит книгу подписать...
Чтобы продать автограф мой,
Всех удивив большой ценой...

НОЧНОЕ НЕБО

Поэты – звёзды - Ху из ху? –
И на виду, и на слуху...
Какой восторг – в ночное небо
Смотреть и думать: - Ах, и мне бы!

ПСЕВДОНАРодная частушка

- Я не знаю, как мне быть,
Что на рубель мне купить?
Разве только кукиш –
Да и тот не купишь!

Я шёл народною тропой,
Увы, а встретился с толпой...
Над площадью – и стон, и крик:
- Где выход? - Это же тупик!

Зал ожиданий
Зал свиданий
Зал признаний
Зал прощаний

В мире мудрых женщин
Будет точно в срок
Глупый муж – замечен
И не одинок!

Возникает чувство страха –
И кончается эпоха:

Пред тобою – череп Аха...
Предо мною – череп Оха...
2024

Осень...Бесполезно с ней ругаться...
Обижаться...Ласки домогаться...
Хорошо с ней выпить, покурить...
Что любил – вовек не разлюбить!

Сколько печали
В предвечном лице!
Слово – в начале.
И цифра – в конце.

ПАМЯТИ МАНДЕЛЫШТАМА

«Я список кораблей прочёл до середины...» О.Э.М.

«Я сам себя прочёл до середины...» Н.Н.Е.

Я сам себя прочёл до середины –
И понял, что искал совсем не там...
Что, с будущим и с прошлым двуединый,
Нашёл, чем грезил, - Осип Мандельштам!
Чтоб, просвещая юные сердца,
Я вслух прочёл поэта – до конца...

ПОСВЯЩЕНИЕ ПОЭТУ

Николаю Никонову

Все песенки спеты,
Затихло звучанье гитар...
О, молодость, где ты?
Ник Никонов, ты ли не стар?
Вновь пил ты «За встречу!»
Донское вино—благодать...
С улыбкой замечу,
А я – минералку опять...
Нет юности краше...
И рад я, что там или тут
Вновь песенки наши
Хмельные гитары поют...

СОНЕТ ПРО ГОРЕ БЕЗ УМА

из романа «Прощай, спиртное!»

В детстве - гаммы, голограммы,
Призраки, увы...
В юности – хмельные граммы...
Выше головы
Запрокинута бутылка...
Истина гола:
И учитель, и училка
Хлещут из горла...
Подражал... Что было – сплыло...
Школа у реки.
Как послушные дебилы,
Пьют ученики...
Сын, отец и дед – до скончанья лет
Пьют – в душе – эх, ма! - Горе без ума...

СОНЕТ РАЙОННОГО МАСШТАБА

- Было дело – в районной газете
Друг-редактор печатал меня...
Я газету читал на рассвете,
Шрифт и запах бумаги ценя...
Где мой друг? Где газета? Ау!
На Земле и Луне – наяву –
Будоража людскую молву,
Я минувшее снова зову...
- Жаль, - сказал мне районный поэт,-
Что теперь ни редакции нет,
Ни редактора-друга... Чуть свет –

Дед-бездельник - пишу я сонет...
Кто ответит? Не знаю... Привет!
Все дороги ведут в Интернет...

ОКТАВА ПРО ПЕРВЫЙ СНЕГ

Сегодня выпал первый снег...
А мы его совсем не ждали...
А он, всё ускоряя бег,
Летел в белеющие дали...
И тут же – вдруг, увы и ах,
Под солнцем таял на глазах...
И каждому – насколько мог –
Дарил сверкающий восторг...

Во сне и наяву,
Где жил я и живу,
Гоморра и Содом:
Роддом...Детдом...Дурдом...

Вот она – мировая окрестность:
Возле Рая – военная местность...
Ад... Где взрывы - от края до края...
И известность - увы, моровая...

НЕ ВЕРИТСЯ

И радуется сердце...
И рыдает...
Внук женится...
А прадед умирает...

СУДЬБА

В огне любви сгорая,
Петь опять -
Чтоб, точно Хворостовский,
Пеплом стать...

В ПИВНОЙ «У ГОГОЛЯ»

Е. М.

Два писателя в пивной ведут беседу...
Пьют, друг друга ударяя по плечу:
- Ну, ты как? В авто - до Владика?.. - Доеду!
- А до Питера?.. - Пожалуй, долечу...

Поэт спросил у двух старух:
- Вы любите ли русский дух?-
И обе молвили: - Хи-хи...
Да, и французские духи!

Я ПРОЧИТАЛ СТИХИ САМОУБИЙЦЫ

Я прочитал стихи самоубийцы –
Причины и последствия амбиций...
И - что? А то, что лучше б не читал!
Стать мертвецом – знакомый идеал...
И он – не мой...Надеюсь, и не ваш...
Давайте жить и не спешить в тираж!

Красноярск

Людмила БРАГИНА

Белгород

*Брагина Людмила Петровна
родилась в Белгороде, окончила
филологический факультет
Белгородского государственного
университета.*

*Создатель и бессменный
руководитель (с 1997 г.)
молодёжной литературной
студии «Младость»,
работающей на базе
Пушкинской библиотеки-музея.*

*Председатель Белгородской
общественной организации
литературного творчества
«Мир писателя».*

*Редактор литературного
журнала «Дрон».*

*Лауреат премии
«Молодость Белгородчины» в
области литературы (1995),
лауреат Всероссийской
литературной премии
«Прохоровское поле» (2012).*

*Член союза журналистов
России. Член Союза писателей
России.*

*Автор четырёх
поэтических книг, сборника
песен, многочисленных
коллективных сборников.*

*Публиковалась в журналах
«Дрон», «Наши современники»,*

«Молодая гвардия»,

«Александръ», «Нижний

Новгород», «Парус», «Ротонда»,

«Родная Кубань», «Традиции

и Авангард», «День и Ночь»,

*«Истоки», «Литкультпривет!»
и других.*

ПОСЛЕДНЯЯ КУКЛА

Весь угол комнаты занимал старинный сундук из потемневших толстых досок, с медными петлями и щеколдой. Сначала там хранилась бабушкины вещи: сверху чёрный плюшевый жакет-кацавейка, шерстяные и ситцевые платки, штапельные юбки, несколько платьев, под ними простыни с кружевными подзорами, вышитые розами рушники, накидки на подушки и, на самом дне, письма и облигации, завернутые в пожелтевшую от времени газету.

Потом мама уговорила бабушку разместить всё своё богатство в новом полированном шифоньере и на антресолях, а сундук отдала Лиде под игрушки — их за шесть лет накопилось немало. Самая первая, которую осознанно помнила Лида, большая жёлтая пластмассовая утка, что неизменно плавала в ванной во время каждого её купания.

Для сухопутных удовольствий — яркие бабочки-каталки на колёсиках, при движении махающие крыльями.

С каждым новым днём рождения игрушки становились всё интереснее и разнообразнее, они тоже будто росли вместе со своей хозяйкой. Хотя дарили их не только по праздникам, но и по другим поводам, и каждая имела свою особенную историю, которую рассказывала волшебным языком всех пяти чувств.

Каждый раз, когда Лида доставала зайца, а он у неё был единственный, в первые мгновенья она заново переживала острое чувство одиночества и отчаяния больничной палаты, холод утренней процедуры, горсть таблеток и три глотка безжизненной воды, которой невозможно было запить их горечь.

Пять лет ей исполнилось в больнице, куда её положили с воспалением лёгких. Из-за карантина никого в отделение не пускали. Нянечка принесла передачу от мамы — пять больших конфет «Гулливер» и новую теплую кофточку василькового цвета с малиновыми полосками.

Лида немедленно надела её, застегнула все золотистые пуговицы, села на кровать и обхватила колени руками. Она смотрела как идёт за окном снег, вспоминала, как совсем недавно мама с ветерком катала её на санках, а дома ждала бабушка и тёплый уютный свет на кухне...

Соседка по палате, пухленькая девочка лет семи, с большими глазами на круглом лице, похожая на совушку, подошла к ней и тихонько погладила по плечу.

— Ну чего ты так расстраиваешься? Тебя вылечат и отпустят. Главное, не вешай нос!

— Домой хочется... А ещё сегодня у меня день рождения. Вот, возьми «гулливерку», угощайся.

— Спасибо.

Соседка открыла свою тумбочку и протянула Лиде яркий оранжевый апельсин.

— А это тебе! Поздравляю с Днём Рождения!

И тут снова вошла санитарка и, улыбаясь, направилась к Лиде.

— Так это ты тут именинница? Внизу в приёмном отделении твоя старшая сестричка, чуть не плачет, скучает по тебе и ждёт, когда ты выздоровеешь. Передала тебе подарок. Говорит, что сама сшила.

И она протянула Лиде тряпичного красного в белый горошек длинноухого зайца с глазами-бусинками.

— Это Светочка, моя двоюродная сестра.

Бабушка рано ушла на рынок и её всё не было и не было. Лида уже не один раз обошла все комнаты и кухню, выглядывала в каждое окошко, подходила к входной двери и прислушивалась к звукам в

подъезде, но безуспешно.

Бабушку ждала и Света. Ей натерпелось выйти погулять с подружками и похвастаться новым платьем, которое ей вчера купили. Однако бабушка велела её дожидаться и не бросать младшую сестричку одну дома. И теперь Света вертелась у большого зеркального шкафа, принимала необычные позы, подражая артисткам из фильмов, которые видела по телевизору.

— Ну что, малявка, нравится тебе моё платье?

Платье было ситцевое, ярко-красного цвета в маленький белый горошек, с пышными воланами на рукавах и выглядело очень нарядным.

— Да, Светочка, очень красивое. А когда бабушка придёт?

— Скоро! А то я уже умаялась тебя караулить. Скажи, на кого я похожа?

Она вздёрнула нос, взялась за край пышной оборки по низу платья, жеманно повела плечами и произнесла каким-то странным незнакомым голосом:

— А недавно двое из-за меня стрелялись. Представляете, два лейтенанта. Оба красавцы, и оба наповал.

Лида от неожиданности растерялась и заморгала глазами.

— Аха-ха-ха! Ты такая маленькая и глупенькая, Лидуська, просто умора!

— Какие лейтенанты стреляли?

— Нос не дорос какие. Скажи лучше «банка».

— Банка... — послушно повторила вслед Лида.

— Твоя бабушка цыганка!

— Это твоя такая! А моя... моя лучше всех на свете бабушек! — Лида нахмурилась, изо всех сил сдерживая рвущиеся наружу слёзы.

И тут раздался долгожданный звук поворота ключа в замке.

— Девочки мои любимые, я пришла!

Нагруженная сумками бабушка улыбалась и её родное лицо светилось радостью и добротой.

Светка мгновенно бросилась к ней, и обняла, всю-всю, вместе с сумками, бросив хитрый и насмешливый взгляд в сторону Лиды.

— Я так соскучилась! Ты моя бабушка любимая!

— Нет! Это моя бабушка! Отпусти!

Задыхаясь от обиды и возмущения, Лида подбежала к ним, потянувшись тоже обнять бабушку, но сестра больно цапнула и отбросила её руку, а затем незаметно ещё и оттолкнула ногой.

Отлетев на пару шагов, Лида увидела, как бабушкино лицо Светкина спина размываются и превращаются в одно большое красное пятно, а внутри почувствовала леденящую пустоту.

И не раздумывая Лида бросилась вперёд, вцепилась в красные оборки, рванула изо всех сил, потом ещё и ещё. Треск рвущейся ткани, стук пуговиц об пол, крики перемешались и раздавались словно бы где-то далеко. А вот Светкина рука, которая только что обнимала и не отпускала бабушку, совсем рядом, и Лида несколько раз укусила её, стараясь посильнее сжать зубы.

Светка завопила, как резаная, пытаясь её оттолкнуть, ударила в плечо, и Лида упала. В пылу драки она снова вскочила, но тут её подхватила на руки и прижала к себе бабушка.

Мгновенно ярость прошла, и Лида залилась слезами.

— Бабушка, ты же моя? Скажи!

— Конечно, Лидонька! Твоя и Светочкина! Вы же обе мои внученьки! Что же вы такое устроили, деточки?!

— Ты только моя! У неё и так и мама, и папа есть! Она тебя не любит, она говорила... и ещё к тебе лезла обниматься!

Лида свирепо оглянулась на обидчицу.

Светка сидела на уголке дивана, прижав худенькие ладошки к лицу и плакала. На одной руке, возле локтя, ярко выделялись три бордовых полукруга от зубов, платье было разорвано, на полу валялись клочья, словно кленовые и рябиновые листья.

Бабушка мазала сёстрам царапины и укусы зелёной, дула и причитала:

— Я ж поднялась пораньше, пока вы спали, думаю, сбегаю на рыночек... Яиц, фруктов купила, а вы в минуту сцепились и всё побили, потрошили... Надо мирно жить, а то вот такие подрыпанные, голые и босые будете. Что ещё родители ваши скажут?

Вечером было грандиозное разбирательство. Сестёр ругали, стыдили, внушали, что драться вообще нельзя, а девочкам, тем более, позорно. Отдельно Лида отстояла в углу за порванное платье и укусы, а Светкенадрали уши и пообещали сдать в интернат за то, что «на восемь лет старше, а ума столько же».

Бабушке снова пришлось утихомиривать уже своих дочерей и зятя, чтобы их воспитание не нанесло большего вреда воспитуемым, чем сама провинность.

Лида держала в руках зайца, и словно наяву видела, как Света обводит мелком выкройку, вырезает из красных лоскутов разные детальки, сшивает их, набивает ватой и думает о ней. Она спрятала зайца под кофточку и до самой выписки не расставалась с ним ни на минуту.

Какие ещё были сокровища в деревянном сундуке? Пластмассовый тубус со строительным конструктором. Лида помнила счастливые минуты праздника, который остался с ней надолго. Тогда мамина подруга тётя Тамара пришла к ним в гости и подарила эту замечательную вещь.

Внутри находились листы со схемами домов и белые одинарные и двойные кирпичики, из которых можно

было строить дома, с окошками и дверями, крышей, заборчиками, воротами и калитками. Все детали хорошо компоновались между собой и можно было строить дома сначала по образцу, а потом по-своему. Это было так увлекательно, Лида фантазировала, ошибалась, переделывала часами. Но потом, когда всё получалось: высокая островерхая башня, зубчатые стены крепости, она просто прыгала от радости и звала домашних оценить её старания.

Похожая игрушка, которая так же будила воображение — простая круглая коробочка с крышечкой, а под ней разноцветная мозаика — детальки-гвоздики, вставляющиеся в отверстия. Так на свет появлялись не только цветы и бабочки, но и узоры, абстрактные картины, от которых веяло свежим ветром, пением птиц, весёлым настроением...

Светина мама, тетя Рая часто ездила в командировки, откуда обязательно привозила что-нибудь интересное. Из Москвы к Лиде приехал чудесный набор для вышивания: маленькие голубые пластмассовые пальцы, салфетка с нанесённым пунктирным рисунком: цветущее деревце с жар-птицей на ветке и несколько мотков шёлковых ниток. Бабушка показала ей как натягивать ткань, чтобы она была похожа на барабан, как вдеть нитку в иголку и шить правильные стежки. И скоро деревце зашумело листиками и заблестало золотыми пёрышками.

Частенько доставалась из сундука механическая, но, без сомнения, волшебная, Дюймовочка в цветке кувшинки, лепестки которой раскрывались от нажатия на рычажок-палочку. Раздавалось тихое жужжание и внутри появлялась крутящаяся маленькая фигурка, на которую можно было смотреть бесконечно.

А вот заводной медведь с балалайкой появился при грустных обстоятельствах. У Лиды расшатался и даже начал побаливать передний зуб. Мама отпросилась с работы и повела её в стоматологическую поликлинику. Высокий и здоровенный врач в белом халате осмотрел зуб круглым зеркальцем на длинной ручке, потом помазал его какой-то, неприятно пахнущей, щипучей жидкостью, взял щипцы и выдернул, да не один, а сразу два передних зуба! Было ужасно больно, обидно, Лида заплакала и возненавидела этого злого доктора. Как только стало можно, она сползла с кресла и проклиная его всем своим израненным сердцем, вышла из кабинета, не понимая, как можно так поступать. С мамой, которая по своей воле привела её сюда, разговаривать не могла и не хотела. Хотя мама тоже не ожидала такого и была расстроена. Она жалела дочку, гладила по голове, шептала ласковые слова, но горечь не уходила.

Тогда мама взяла Лиду на руки, и они зашли в соседствующий с поликлиникой «Детский мир». Вот там Лида и увидела своего коричневого медведя, который держал в лапах балалайку. Если вставишь ключик в штырёк в спине и покрутишь, то медведь оживает, топаёт, играет на балалайке, покачивает головой из стороны в сторону. И тихонечко рычит. После этого зубное происшествие отошло на второй план, а медведь-музыкант поселился в сундуке.

На все важные события Лида брала своего мишку. И фотографироваться в новом зелёном свитерке со Светкиным значком «Общество охраны природы» она тоже согласилась только с ним. Но улыбаться, как фотограф ни старался её рассмешить, отказывалась.

Однажды гуляя на улице, в зарослях сирени Лида заметила небольшой чёрный пистолет. Она оглянулась в поисках его владельца, но ни детей, ни взрослых поблизости не было, и она подняла находку. Он был тяжёлый, со звездой на рукоятке и совсем-совсем, как настоящий. А может, и правда, настоящий, но как он сюда попал?

Лида вспомнила, как недавно по телевизору показывали фильм про шайку преступников, и когда их раскрыли, началась погоня. Бандиты отстреливались, даже ранили милиционера. Подстёгнутая жгучим любопытством, Лида заглянула за кусты. Там никто не лежал, не стонал, не истекал кровью, и она с облегчением выдохнула и побежала домой. Бабушка сначала охнула, потом протёрла пистолет тряпкой и обнаружила надпись: «Цена 55 копеек». И ещё неделю, несмотря на мамины увещевания — «ты же девочка», Лида выпрашивала купить пистонную ленту.

В конце концов небольшой моточек ленты ей подарил соседский мальчик, которому она дала поиграть свою машинку самосвал, с рычажком сбоку, где в кузов можно набирать и сгружать песок. Первый пистон Лида опробовала прямо во дворе, развернув рулончик на бордюре и ударив по маленькому коричневому кружочку камнем.

Сверкнула искра, и одновременно раздался громкий хлопок. И запах, замечательный запах, чуть похожий на тот, когда бабушка бросала зажжённую спичку в банку, где был кусочек бумаги... Лида жадно втянула носом пороховой дымок. Пистолет и ленту основательно запрятала на самом дне сундука, чтобы пострелять, когда никого не будет дома.

Сверху прикрыла чёрной коробочкой с первым своим музыкальным инструментом — металлофоном. Тоже очень ценной игрушкой, которую принесла соседка по подъезду, у которой выросла дочка. Лида клала на колени деревянную подставку, брала в руки белые круглые молоточки, легонько ударяла ими по металлическим блестящим пластинкам и слушала как дрожат вокруг хрустальные, волшебные звуки.

Кстати, фраза «ты же девочка» появилась у мамы уже давно.

Ещё со времени их отдыха на море, когда Лида подружилась с мальчиком, забыла, как его зовут, но это простиительно, ей тогда было всего три с половиной года. Они вместе бегали по санаторию и собирали окурки, решив, что пришло время научиться курить.

— Ты же девочка, а ведёшь себя хуже мальчишки! — как гром среди ясного неба грянуло над ними, когда обе родительницы поймали их за павильонами на месте преступления.

Тут же последовало неотвратимое наказание. Обоих отлупили, Лиду просто ладонью по попе, а юного соучастника мать отхлестала мокрым полотенцем, да ещё при всех. А потом и совсем запретили им вместе играть.

Лиде было обидно и непонятно, почему она хуже, ведь они всё делали вместе. И в чём, и почему она должна быть лучше?

Мама рассуждает «про девочку» всегда по разным поводам, но чаще всего это означает либо запрет, либо осуждение. Конечно же, Лиде это не очень нравится. Она и так знает, что она девочка, и вообще не любит нотаций. Иногда ей кажется, что мама сама себе напоминает, что у неё не сын.

Может быть, ещё и поэтому мама покупает ей кукол. Все девочки играют в куклы. И Лиде, само собой, ничего против не имеет. Хотя, сказать по правде, её самая первая и красивая кукла, горячо любимая ещё с младенчества — старинная немецкая фарфоровая статуэтка балерины с зеркалом, которая стоит в серванте. Как только Лиде её увидела, замерла от восхищения, потянулась к ней, а потом под присмотром мамы с трепетом гладила по складкам голубого глянцевого платья и матовым, прохладным рукам, лицу с лёгким персиковым румянцем, восхищаясь золотыми туфельками, солнечными бликами в светлых волосах, зеркальцем, в которое гляделась эта красавица, с одной стороны серебряным, а с другой золотым.

После неё лупоглазые неваляшки и матрёшки со свекольными щеками выглядят не впечатляюще. А как можно всерьёз воспринимать розовых пластмассовых кукол с растопыренными руками и ногами, если их что девочками одевай, что мальчиками, всё одинаково некрасиво?

Бабушка говорит: «Кто в куклы не играл — тот счастья не видал». Но и горя тоже, про себя прибавляет Лиде. Бабушка имеет в виду даже не самих кукол, а время, когда люди живут беззаботно, не ходят ни в школу, ни на работу и играют, сколько захотят. Про детство она говорит.

Лиде с куклами натерпелась столько всего, что лучше бы их и вовсе не было. Всё началось с небольшой безымянной куколочки с нарисованными глазами и волосами. Днём она с ней играла, брала на прогулку, а ночью укладывала рядом с собой на подушку спать. Мама всегда оставляла рядом на столе включенным маленький ночник в виде снеговика, потому что Лиде во сне постоянно ворочается и однажды на краешке кровати повернулась, грохнулась на пол и набила на лбу здоровенную шишку.

А этой ночью она проснулась неизвестно почему, никто не будил, в туалет не хотелось, и Лиде просто лежала, смотрела на тёплое и уютное пятнышко света, слушала, как рядом в комнате дышит мама и тихо похрапывает бабушка. Она уже собралась повернуться на бок и снова уснуть, как совсем близко со своим лицом увидела куклу. Лиде забыла про неё и от неожиданности вздрогнула.

Маленькая на большой подушке она лежала слишком прямо и ровно, уставившись тёмными и пустыми глазами в потолок, как будто бы готовясь к чему-то. Лиде захотела убрать куклу, но было нестерпимо страшно протянуть руку и дотронуться до неё.

Тогда она сама отодвинулась к самой стенке, держась всё время настороже, веря и не веря, что кукла вдруг повернётся или моргнёт.

Только под утро, когда первый свет начал сереть за окном, Лиде задремала в полглаза.

Играть с этой куклой совершенно расхотелось. Она больше не внушала доверия, и ей нашлось тайное местечко на балконе за деревянным ящиком с овощами, куда заглядывали, наверное, только пауки. Мама решила, что игрушка потерялась и долго расспрашивала Лиду — где, куда, как... Но недавнее ночное потрясение, неприятные воспоминания о нём и путаница в мыслях, мешали рассказать и признаться в своём страхе.

Через время место прежней куклы заняла новая — побольше размером, в белых туфельках, улыбающаяся и голубоглазая, в платьишке с ромашками. Руки и ноги у неё были на шарнирах, голова поворачивалась, но всё внимание хозяйки было обращено на жёлтые волосы. Они были не нарисованными, а похожими на настоящие кудряшки. Лиде провела по ним рукой — жёсткие, прозрачные, как будто стеклянные.

Имея уже некоторый опыт, Лиде играла с ней дома, выносила во двор показать подружкам и поиграть вместе. Но всё это днём, а на ночь обязательно клала куклу в сундук, к другим игрушкам. Со временем ромашки на платье потускнели, весёлое кукольное личико стало чумазым, а кудряшки закошлатились.

— Ох и жизнь тяжёлая у твоей куклы...

— Отчего, бабушка?

— Одна нога обута, другая разута, а если бы третья была, не знаю, как бы пошла.

— Так нет же у неё третьей ноги!

— И хорошо, что нет, туфелька-то только одна! Помнишь мы с тобой стишок читали, это точно про неё:

Замарашка рук не мыл,

Месяц в баню не ходил.

Столько грязи,

Столько ссадин!

Мы на шее лук посадим,

Репу — на ладошках,

На щеках — картошку,

На носу морковь взойдет! —

Будет целый огород!

— Ничего мы сажать не будем! Она разве в этом виновата? — Лида очень удивилась бабушкиной несправедливости.

Взяв куклу подмышку, отнесла её в ванную, сняла платице, намылила, потёрла, прополоскала под струёй воды и повесила на тёплую трубу в ванной сушиться. Потом своей мочалкой отмыла грязное личико и приступила к волосам. Сначала пыльные и спутанные, они после мытья вообще свалились в комок, как пакля.

Лида взяла свою расчёску и начала их распутывать. Провела пару раз и сразу вылетели несколько зубьев, а расчёска как будто состарилась и стала похожа на рот бабы Яги.

«Ой... Но надо же как-то её расчесать, — расстроилась Лида, подумала-подумала и взяла с полочки мамину — буду теперь осторожнее». Не успела сделать несколько движений, как и вторая расчёска прочно застряла в волосах, словно в мотке жёсткой проволоки.

И так и этак крутила её Лида, чтобы высвободить, ничего не помогало, только ещё больше волос намоталось. Расчёска торчала в кукольной голове, как топор. Как ни старалась Лида не паниковать, но не выдержала и дёрнула. Хрясь! — ручка пополам, а зубья так и остались в плену.

Оставалось только одно средство — состричь расчёску. Хорошо, бабушка вышла на кухню, поэтому удалось ножницы взять незаметно и на цыпочках вернуться в ванную.

— Лидуся! Я тут обед собрала, где ты есть?

— Сейчас! Я скоро!

Стрижка «ёжик» подходила к концу. Куклу можно было смело одевать мальчиком и отдавать в армию. А на Лидины пальцах, где были кольца ножниц, остались красные вмятины и водяные волдыри, которые сильно болели, горели, жгли.

Чтобы не привлекать внимания к сверхсекретной операции, Лида села за стол и попыталась есть левой рукой, но получалось медленно и плохо, суп проливался.

Бабушка сидела напротив и внимательно смотрела на неё.

— А что же ты без хлеба ешь? Бери, вот твоя любимая горбушка!

И Лида потянула правую руку за горбушкой.

— Да, Боже ж мой, что ты ею делала? В ванне сидела три года!

— Стирала, мыла, стригла...

— Ту проклятую куклу? Да позвала бы меня, я помогла...

Бабушка подошла к окну, отломала лист алое, сказала — «спасибо, цветочек!», промыла под струёй воды, убрала колючки и разрежала вдоль.

— Давай сюда пальчики, лекарство приложим, всё пройдёт!

Прохладная студенистая мякоть листочка сняла боль, но на душе скреблись кошки.

Мама весь вечер отчитывала Лиду за испорченную куклу, объясняя и повторяя, что портить игрушки нехорошо, стричь — это значит портить, надо относиться к куклам бережно, больше так делать нельзя...

Ну как ей объяснить, что всё это произошло как раз из-за того, что хотела, чтобы куколка стала чистой, красивой, но не всё и не всегда зависит от тебя?

Как только весеннее солнышко стало хорошо пригревать, земля покрылась травой и цветами, во дворе наступила кукольная эра: девочки выносили во двор пледики, покрывала и своих любимиц.

Кукольный народ представал во всей своей красе и многоликости. Пупсики в самодельной одежде стали казаться ещё меньше и без боя сдали свои позиции.

Сначала появилась шагающая великанша Нина — ростом почти со свою хозяйку, которая гордо водила её за ручку, а следом, словно фрейлины за принцессой, зачарованно шли почти все девочки двора. Кукла, очень похожая на девочку Суок из фильма «Три толстяка», переставляла красивые прямые ноги и поворачивала голову то влево, то вправо, собирая восторженные взгляды, как настоящая кокетка.

Ей составили компанию шумные говорящие куклы, на все голоса твердящие «ма-ма», у которых в спине или в животе был пищик. Нужно было перевернуть куклу и, если делать это часто, она начинала просто, как козленок, пищать «ме-а-аа».

Иногда удавалось поглазеть на свадебных кукол-невест, которые сидели на капотах машин, привязанные лентами в одинаковых пышных белых платьях с фатой.

Но настоящим чудом стало появление первой «немочки» — невообразимо красивой резиновой куклы из ГДР. У неё были роскошные тёмные шелковистые волосы, убранные в сеточку, пушистые реснички, мягкие руки и ноги, где выделялся каждый пальчик, каждый ноготок! Даже на ощупь она казалась тёплой, словно живая. Всё в ней было ярко и прекрасно: белые носочки и съёмные туфельки, красный трикотажный костюмчик и такая же сумочка.

Все до одной девочки жутко завидовали, а взрослые поругивались на порушенный покой и новые витки семейных драм.

Даже бабушки, сидящие на лавочке возле подъезда, с утра до самого захода солнца с жаром обсуждали эту новость.

— Глобусовы из 35-ой задали жару. Дочке из турпутёвки куклу немецкую привезли, а всему дому теперь не до сна.

— Точно! Наша Маринка, такие гопки бьёт, кричит, из себя выходит, требует такую же! Родители-дураки пообещали купить, а надо бы взять хворостину, да всыпать ей, чтоб понимала!

— Помню, мы на палочку лоскуток цветной от старой какой одежды наматываем, скрутим, головку соломой

набѐм, нитками ручки перевяжем и готова куколка! Любо-дорого... Игались — поестъ забывали!

— А нынешние разбалованные, всем недовольные. У нас тоже ноет «купи, да купи!» Хильду эту или Гретту, как её там... Уже аж голова болит от неё.

— А сколько ж она стоит, та-то кукла?

— Ты её ещё поди достань, если блата нет! И стоит будь здоров сколько! Не то 15, не то 20 рублей!

— Немчура делать может, но и цену знает.

— Ой, а ваши молодые с жиру-то как бесятся...

Лида слушала всё это за спинами бабушек, сделав вид, что поправляет гольфы, а потом потихоньку отошла в сторону, понимая, что ей не помогут ни слёзы, ни истерики. Да и стыдно ей было так вести себя. Какая радость потом от этой, хоть бы и самой расчудесной куклы?

Конечно, ей очень хотелось, пусть не ходячую, не говорящую, про немецкую и говорить нечего, но, главное, куклу со «спящими глазами», чтобы они открывались и закрывались. А будут они серые или голубые, да хоть зелёные — неважно. Но как её выпросить? Лида видела, что мама работает одна, а бабушка всегда думала, чтобы ничего не пропало, сушила сухарики из остававшихся корок, круглый год выращивала на окне лук в банках, из прокисшего молока пекла оладьи, зашивала только что появившиеся дырки на одежде, перешивала её, ворчала, если кто-то забывал выключить лампочку и сокрушалась — «нажгли свету, а чем платить?»

Не было места её просьбе в этом бережливом порядке жизни, где каждая копейка на счету.

Правда, однажды маме на заводе за ударную работу и перевыполнение плана выписали премию, и она подарила Лиде незабываемый праздник — взяла напрокат велосипед! Целый месяц счастливая Лида неугомонно крутила педали с утра и до вечера, даже пару раз случившиеся дожди, не испортили переполнявшей её радости.

Но кукол напрокат не давали, может быть, только свадебных, поэтому оставалось только мечтать.

Или всё же попробовать?

Вечерком, усевшись возле сундука с игрушками, Лида, представив, что наводит порядок, начала перекладывать их с места на место, протирая чистой белой тряпочкой и приговаривая:

— Какие же у меня красивые игрушки! И зайчик, и мишка, и самосвал, и пистолетик! А кукол-то и нет совсем... И веду себя хорошо, а почему-то нет.

— Вот потому и нет, что одну закинула куда-то, а другую испортила, — продолжила её «размышления» мама.

Бабушка поддержала.

— Ты думай, что тебе в школу скоро, а ты всё про кукол. Серьёзней надо быть.

Лида нахохлилась, но решила не отступать.

— Я и так серьёзная. Буду куколку беречь, заботиться о ней, учить...

— В выходные пойдём в «Маяк» портфель тебе купим, платье форменное, фартучки, бантики новые...

— У тебя, Лидуся, новая жизнь настанет, книжки будешь читать, уроки делать, некогда играть.

Всегда вот так: мама с бабушкой заодно, и они взрослые, и они правы, а она не может найти слов, чтобы её поняли. Крепясь из последних сил, чтобы не заплакать, Лида горько вздохнула:

— Так вот вырасту и никогда у меня уже не будет куклы с закрывающимися глазами.

В школе было интересно. Учительницу Антонину Григорьевну звали так же, как маму, только отчество другое. Хотя Лида никогда маму по имени не называла, но чувствовала в этом совпадении особую тайную связь: пусть в классе и было тридцать учеников, но учительница больше благоволила именно к ней.

Мальчик Лёня Шабаров, с которым её посадили за одну парту, тоже был хороший. Он увлечённо рисовал ручкой на тетрадных листах море и корабли. Они палили друг в друга из пушек, клубился дым. Лида спрашивала из-за чего они воюют и просила нарисовать человечков — матросов и капитана. И, к её восхищению, он рисовал их левой рукой, а правой писал в прописях, и всё это одновременно.

У Лиды появилось много красивых вещей: букварь и другие учебники, деревянный резной пенал с ручкой и карандашами, школьная форма с белыми кружевными манжетами и воротничком на платье, синий тоненький спортивный костюмчик, новые чёрные туфельки и мешочек для сменки, который сшила ей бабушка.

Новая жизнь ей очень нравилась. Но ещё приятнее было вернуться домой, открыть любимый сундук, вытащить игрушки, выбрать ту, которая подходит по настроению и играть, чувствуя, что ты уже немножко изменилась, а калейдоскоп или Дюймовочка всё те же. Домашних заданий пока не задавали, времени оставалось достаточно и на сон, и на игру, и погулять во дворе.

Для мамы и бабушки начало её учёбы было связано с гордостью и переживаниями, ожиданиями и надеждами, даже больше, чем у самой Лиды. С появлением ученицы в семье, в их скромном бюджете образовалась брешь. Привычный режим экономии перегревался, не выдерживая новых необходимых расходов. И бабушка, понаблюдав за другими бабушками, подумала, посчитала, и нашла способ заработать.

В подвальчике их дома был овощной магазин. Вместе с мамой они покупали там свежую капусту. Выделив специальный день, бабушка точила на бруске большой нож, освобождала кухонный стол, разрезала кочан на четыре части и шинковала тонкой красивой соломкой. Потом посыпала её крупной солью и укладывала в большую эмалированную кастрюлю. И примерно через неделю, иногда утром после того, как проводит Лиду в школу, а иногда после обеда, ближе к вечеру, бабушка шла к гастроному «Москва» торговать квашенной

капустой.

Лида часто помогала ей чистить морковку, закладывая в нашинкованную капусту дольки яблок, накрывать чистой марлей кастрюлю. В награду всегда была сладкая кочерыжка.

Но интереснее всего было, если удавалось уговорить бабушку взять Лиду с собой к гастроному. Бабушка доставала из сумки маленький раскладной стул, расстилала на земле клеёнку, ставила на неё кастрюлю с капустой, садилась и спокойно ждала. Лида стояла рядом, внимательно вглядывалась в лица прохожих, пытаясь угадать, кто же к ним подойдёт. Как только возле них останавливался покупатель, неважно, мужчина или женщина, внутри Лиды словно вспыхивали бенгальские огни. Блестя глазами, с жаром она начинала рассказывать, какая замечательная у них капуста.

— Вкусная! Хрустящая! Беленькая! Полезная! И недорого — блюдечко 20 копеек.

Ей хотелось поскорее продать её всю, чтобы бабушка не тащила назад кастрюлю. А вечером они сядут вместе за стол, на котором Лида будет отсчитывать монетки и составлять из них маленькие столбики — по пять двадцатикопеечных кружочков в каждом. И потом бабушка станет заворачивать эти серебристые столбики в кусочки газетной бумаги. И чем больше бумажных узелочков получится, тем лучше.

Сегодня бабушка ушла сама, потому что Лида проспала.

Учебная неделя закончилась, впереди выходные, и сейчас она чувствовала себя бодро, настроение было такое, когда хочется сразу всего и немедленно. Пробежавшись по квартире и удостоверившись, что дома никого нет, Лида сбросила на пол подушки и, от бурлящей и переполняющей её радостной энергии, принялась прыгать на кровати, как на батуте. Сначала она представляла себя пружинкой, которая то сжимается, то с силой разжимается, а потом у неё вырастают крылья, и она уже парит в воздухе, и она — птица! Главное, посылнее оттолкнуться...

И тут её взгляд неожиданно привлёк предмет, которого раньше не было — большая картонная коробка на шифоньере. Лида замерла, вытянув шею. Почему-то первое, что пришло ей в голову, это — ни в коем случае нельзя смотреть, что там. Это ощущение было похоже на холодок на макушке. Потом он собрался в большой снежный ком, который прокатился через горло и упал в живот. Она медленно спустилась с кровати, подняла подушки, поправила простыню, села и задумалась.

«Коробка появилась недавно. Кто её принёс — мама или бабушка? Мне ничего не сказали и между собой об этом при мне не разговаривали. Получается, это их секрет. Который они хранят от меня. Они не станут держать в этой коробке что-то плохое... — И тут Лида вспомнила, что в воскресенье у неё день рождения, а значит... — Это мой будущий подарок!»

Но ком в животе не растаял, а холодок растёкся до самых кончиков пальцев рук и ног. Казалось бы, что проще: не трогай и не смотри. Придёт время, и всё выяснится, тебе же подарят. Но мысли так прикованы к этой серой коробке, что ни о чём другом не думается. Скорее бы уже кто-нибудь пришёл!

Но никого пока нет и можно взять табуретку, залезть, открыть крышку... Что может случиться, если она взглянет одним только глазком? Ей же никто не запрещал это делать.

Стоя на табуретке, Лида поняла, что её роста не хватает, и чтобы заглянуть в коробку нужно её снять и поставить на стол. Чуть дыша и прислушиваясь, не скрипнул ли ключ в замке, непослушными руками она взяла загадочную коробку, осторожно спустилась и подошла к столу. Прочла сбоку надпись большими чёрными буквами — «Кукла Вера», ниже — «Цена 8 рублей». И подняла крышку.

Кукла Вера была одета в длинный синий сарафан и белые туфли. Рыжие волосы не очень длинные, с чёлкой, туловище твёрдое, но лицо резиновое и спящие «вставные» глазки. Не задумываясь, Лида быстро вынула её из коробки, поставила вертикально и наклонила к себе. Внутри раздалось капризное «ма-ма», кукла открыла глаза и уставилась на неё. Они были блестящие, тёмно-коричневые, с чёрным зрачком посередине. В них отражались уменьшенная Лидина копия и каждое её движение. Лицо куклы как будто оживилось, и на губах появилась неприметная улыбка.

Лида хотела отвернуться, но глаза притягивали, как магнит. При наклоне туловища вверх-вниз они то прикрывались веками с ресницами, то снова распахивались. Эти кукольные глаза напоминали ей каштаны, которые падают осенью на дорожки парка, смешиваясь с ржавыми листьями. И ей неудержимо захотелось аккуратно вынуть их и рассмотреть получше.

Кукла снова подала голос, на этот раз её «ма-а-ма» прозвучало тревожно. С говорящим механизмом куклы Лида разобралась почти без последствий. Сняв с неё сарафан, обнаружила в спине круглое отверстие и вставленный в него пищик. Небольшой пластмассовый цилиндр состоял из стаканчика и надетого на него кружочка с дырочками. Поддела его ножницами, вытащила, изучила. При переворачивании внутри стаканчика двигался грузик и раздавалось то самое слово, которое внутри куклы звучало по-разному, наделяя свою владелицу неуловимыми чёрточками характера, а в руках просто однообразно и монотонно. Лида легко вставила цилиндр на место, и вновь её внимание привлекли глаза.

Как же они держатся и почему они не закрываются, когда кукла стоит или сидит? Вот люди так могут, и даже ходить с закрытыми глазами могут. Недавно в школе на перемене они играли в Опанаса. В этой игре водящему завязывают глаза, раскручивают, хором кричат: «Опанас, Опанас, лови мух, а не нас!», разбегаются, и он потом кого-нибудь должен поймать. И Маринка Кузьмина чуть было не поймала учительницу! Правда, не Антонину Григорьевну, а из параллельного класса, очень строгую, которая объяснила, что эта игра шумная и небезопасная, может плохо кончиться. И почти все ребята согласились, что в неё, действительно, лучше играть во дворе.

Положить бы сейчас куклу в коробку и отнести назад, но Лида всё вертит её в руках, смотрит в её острые как буравчики зрачки, и не может успокоиться, пока не узнает, как это устроено. Она осторожно подёрнула длинные ресницы. Держатся прочно. Перевернула Веру на спину и пальцем слегка нажала на закрытый глаз.

И тут случилось страшное. Оба глаза провалились внутрь кукольной головы и на лице образовались пустые глазницы.

Лида в панике затрясла куклу, производящую резкий, квакающий звук «Уу-а-уа», надеясь подцепить глаза за реснички и вернуть их на место. Но глаза не держались, падали.

Что же делать? Что же делать!.. Девочка в отчаянии схватилась за голову. Потом перевела взгляд на поломанную куклу. У неё надо лбом, по всей окружности головы проходил шов. Лида одной рукой сжала кукольное лицо, а второй покрепче ухватила за волосы и потянула. Верхняя часть головы, отделилась наподобие скальпа. Видно было, как ровными косичками прошиты волосы, а внутренность нижней части головы — совершенно пустая. Глазной механизм провалился куда-то вниз.

В коридоре послышался звук открывающейся двери. Соединять голову времени уже не оставалось, поэтому бросив всё как было в коробку, Лида потащила её к шифоньеру. И еле-еле успела, прежде чем бабушка вошла в комнату.

Весь следующий день мама с бабушкой хлопотали по хозяйству и ни минуты Лида не могла улучшить, чтобы исправить то, что она натворила. Она ещё надеялась, но вечером мама как-то по-особенному тепло обняла её и сказала:

— Ложись, доченька, сегодня пораньше. Завтра тебе исполнится семь лет. Мы с бабушкой утром тебя поздравим, а к обеду придёт тётя Рая со Светочкой, и мы все вместе пойдём в парк кататься на каруселях, веселиться и праздновать!

Лида кивнула и послушно пошла в кровать. Она с ужасом представляла, как мама открывает крышку, а там... Мало того, что без глаз, так ещё и с разъятой головой. Её подарок. Хотя не только её. Восемь рублей, это восемь маленьких серебристых столбиков, по пять монеток в каждом... Сколько же раз бабушка ходила с тяжёлой сумкой к гастроному, чтобы накопить ей на подарок. От жалости и безысходности Лида беззвучно заплакала. Но слёзы не облегчили её горе, а совершенно измучили. Она не могла уснуть до глубокой ночи, лежала, прижимаясь щекой к мокрой подушке и спрашивала себя: почему так всё получается? Будут ли её любить мама с бабушкой после того как... Как ей дальше жить?

На столе стояли тарелки и чашки из праздничного сервиза с золотыми ободками, а посередине на блюде большой торт с кремовыми розами.

— Вот так и нужно спать имениннице! — смеётся румяная бабушка в нарядном переднике.

Мама в любимом голубом платье ласково и загадочно улыбается.

— С днём рождения, малышка! Умой личико и приходи! Тебя ждёт сюрприз!

Лида вернулась в комнату с холодеющим сердцем. Бабушка режет торт, а мама уже держит в руках злополучную большую серую коробку.

— Мы желаем тебе быть здоровой, весёлой, доброй, умной и послушной девочкой! Хорошо учиться и помогать маме и бабушке...

Вот и всё. Она долго-долго смотрела на изувеченную куклу, потом, не сказав ни слова, поставила коробку перед Лидой и ушла на кухню. Бабушка в недоумении попеременно то следит за мамой, то рассматривает «сюрприз», а потом всплёскивает руками:

— Ой, ты ж горюшко! С тобой спокойно не умрёшь...

Лида стоит столбом возле праздничного стола.

А из кухни слышны всхлипывания и мамин голос. Такой родной и несчастный:

— Больше никаких кукол! Хватит!

Лида чувствует, как по всему телу разливается кипяток, в голове огонь, она видит себя, как будто со стороны. Лида хватается со стола нож, измазанный розовым кремом, и изо всех сил, бьёт куклу Веру в грудь, в лицо, кромсает на лоскуты синий сарафан.

— Вот тебе! Гадина! Хорошо учиться! И помогать маме и бабушке!

**Юрий
АЛЕКСАНДРОВ**

Домодедово

*Юрий Геннадьевич
Александров. Призёр VII
Открытого Московского
областного литературного
конкурса «Звёздное перо – 2022»
имени Георгия Кольцова в
номинации «Свободная проза».
«Специальный приз
организаторов» Всероссийского
литературного конкурса
ЛИТКОН в честь 200-летия Ф.М.
Достоевского в двух номинациях:
ПРОЗА и ПОЭЗИЯ.*

ДОРОГА В СВЯТУЮ ОБИТЕЛЬ

(Очерк-притча)

I. Дорога

Мысль о путешествии в Николо-Сольбинскую обитель – Русский Православный женский монастырь, единственный в мире, имеющий сразу три (!) колокольни, так таки и воплотившаяся в жизнь тринадцатого июля две тысячи двадцать четвёртого года в день праздника Православной церкви – Собор Двенадцати апостолов, отмечаемый на следующий день после празднования памяти первоверховных апостолов Петра и Павла, возникла у меня как-то вдруг – неожиданно-негаданно, но не просто так. Мой одноклассник Павел, с которым мы не встречались чуть ли не со школьного выпускного бала, то бишь уже более сорока годов, пригласил меня на фестиваль колокольного звона в эту самую Святую обитель. Он рассказал, что является соорганизатором этого мероприятия, а кроме того, ещё и примет в нём участие лично, потому как сам служит звонарём в храме Архангела Михаила, что в селе Загорново Раменского района Московской области, уже много-много лет.

Нужно, признавшись, упомянуть: сходу благодарно приняв предложение Павла – безусловно интересное и впечатляющее, изучив в дальнейшем различные маршруты и способы перемещения в ту пустошь из своего нынешнего пристанища – с противоположенной стороны Московской области, я рассчитал, что на одну только её колёсную составляющую в оба конца – от дома до обители и обратно – придётся никак не менее десяти (!) часов. Учтя же, что по дороге мне предстоит сделать двенадцать (!) пересадок с одного вида транспорта на другой, то есть моё путешествие непосредственно привязано к расписанию автобусов, электричек и маршруток, мне вменяется также принять и следующее неизбежное: она – дорога – назначает время моего выхода на неё на 04:00 и приводит стрелки часов возвращения в мои пенаты к циферблатному апогею – к 24:00. Значит, всё моё путешествие займёт без малого сутки! Ошалев от такой перспективы и усомнившись, выдержу ли я всё это чисто физически – опасаясь, что мой личный «апогей» наступит раньше циферблатного, я тут же стал искать повод для себя и оправдание перед Павлом: как бы так обставиться какими-нибудь «причинами» невозможности выполнения моего обещания «буду обязательно! и – не премину!» – ну, чтобы не ехать.

Однако, практически накануне колокольного фестиваля, в моей жизни произошло скорбное событие – скончался мой старший двоюродный брат Артур, с которым мы были духовно близки, который помогал мне в делах и научил многому. Это и определило: «Каких бы усилий это мне не стоило, но я обязательно посещу это Святое место – пусть все дорожные препоны и возможные путевые испытания обратятся, как бы, моим паломничеством!» А посему, ехать нужно – всенепременнейше! К тому же, моя житейская опытность давно мне доказала, что в миру ничего просто так не случается: ни в явлениях, ни в замыслах, ни в поводах или причинах к их непременно воплощению.

Итак, пошли-поехали.

Я поставил будильник на три тридцать утра, дабы перед выходом успеть выпить чашку кофе, покормить свою кошку и своевременно прибыть в точку начала своего паломничества – автобусную остановку, с которой на дежурном автобусе для сменного персонала окрестных предприятий добраться до железнодорожной станции, находящейся в нескольких километрах от меня. Чтобы уже с неё на

первой же электричке отправиться в своё пятисоткилометровое путешествие.

Проспав всего-навсего три часа, меня что-то пробудило ещё до сигнала будильника, сразу же настроив мою нервную систему на взволнованное равновесие, показавшееся мне, почему-то, естественным. Хотя, наверное, и потому, что накануне я лёг почивать лишь с одной данной себе установкой – «не проспать!» Открыв глаза и ещё не успев подумать, дескать, «не пора ли вставать?!», заведённый сигнализатор, точно в установленный ему срок, разразился неистовыми воплями: «Встать! Вста-ать! Вста-а-ать!»

Пропуская подробности щепетильных сборов в дальний путь, а также нюансы многократно за многие годы проделанного мною пути – от моего пристанища до города Сергиев Посад, продолжу с того момента, когда я уже прибыл на его железнодорожный вокзал. И даже чуть дальше: начну с того, что я, заняв своё место во вполне комфортабельном автобусе межрайонного сообщения, отправился с городского автовокзала до села Нагорье. Кстати, в том селе есть чему подивиться. К тому же, оно находится всего-то в сорока пяти километрах (против пятисот, что мне предстояло преодолеть) от города Переславль-Залесский, входящего в Золотое кольцо России. В Нагорье мне следовало поменять колёса ещё раз, чтобы на маршрутке местного значения уже через каких-то двадцать – двадцать пять минут прибыть в пункт моего устремления – Николо-Сольбинскую киновию. Конечно, есть, ну, по крайней мере, была возможность добраться туда и прямым – единым – автобусом из Москвы. Но расписание его движения уж больно жиденько-хлипенькое. Да и транспортно-пересадочные перипетии всегда добавляют впечатлительную гущу в скудное ожидание маршрутного конца.

Да, замечу, что чрезвычайно повезло с погодой: ясное небо с небольшими перистыми облачками, щекочущими глаза своею утреннею девственностью, сбивающимися то там, то сям в скромные венчики, не бросающие при этом и пятнышка тени ни на что, а лишь придающие шарм лазуревой вышине над головой, подчёркивали его бесконечность, чистоту и непредвзятость. Хотя гидрометцентр и назначил погоде быть сегодня переменчивой, ничто не давало и капли сомнения, что эта поездка не останется не запечатленной во мне на долгие года, а коли сподобится, то и навсегда.

С автовокзала Сергиева Посада мы отправились точно по расписанию в 09:30. Объезжая центральные, полные туристов и светофоров улицы по старинным улочкам и переулочкам, полупустой автобус уже через пятнадцать минут и без особой натуги выбрался из городской застройки за её черту. Урбанистическая архитектура и мирская суета скрылись долой и из глаз моих, и из водительского зеркала заднего вида, как будто бы всего этого каждодневного человеческого бытия в них и не бывало, очистив взоры для иной красоты.

Мы въехали в другой мир – волшебный своим безмятежным спокойствием, полной чашей и бескрайней радостью. Так всегда представляется гостям чужая жизнь: мол, сплошь чудеса природные нерукотворные, обустроенность, за так кем-то данная, заполненная манной небесной, да беззаботье всех и каждого в абсолютном счастье.

Мчались мы по этому счастливому новому миру без толчков и привередливостей, миру сказочных полей и лесов, холмов и болот, время от времени охотливо и бесстрастно перемежающихся между собой и меняющимися друг с другом местами. Правда, иногда, ну так – для разнообразия, чудесная сказка за окном притормаживала, спотыкаясь о свои небольшие, порою древние, веши, чаще проскакивающие мимо нас почти незамеченными, потому как автобус, чуть пригасая свою скоростную удаль, останавливался буквально на минуту только в некоторых из них, да и то лишь «по требованию». В остальном же – звенящая чистыми колокольцами да бубенцами полудикая первозданность. Приставка «полу» к слову «дикая» оставалась неотъемлемой его частью весь путь нашего следования и только потому, что мы ехали и в самом деле в нестаром, прибабашенном всяческими гаджетами автобусе, по добротной двухсторонней асфальтированной со свежей разметкой трассе с артикулом 46К-8400 – вполне земной и цивильной и, почти, без перекрёстных помех.

Но всё это не умаляло, не коробило высокопарных впечатлений. А скорее наоборот: подчёркивало на контрасте то, что дорога наша – праведная, что всё это – и есть наша жизнь, наша страна, прокладывающая свой истовый путь и истово же по нему идущая. И все мы – и в ней, и на этом пути – ни гости, ни попутчики, ни мухи на возу, отнюдь; но! – резиденты, то есть граждане своей – нашей страны России на все сто. И это едино и всецело! А ещё и то, что всё наносное и скверное – сгинет однажды из нашей жизни, провалится в тартарары, когда наступит тот благословенный миг.

Я алкал красоты Смоленско-Московской возвышенности, упивался ими и не мог насладиться вдоволь. Она поражает своей непохожестью на какие-либо другие физико-географические автономии: здесь и высокие холмы, они же низкие горы – где-то абсолютно лысые, где-то заросшие всем чем угодно, и бескрайние урочищные равнины с лесами и перелесками, с полями и лугами, с бесчисленными речками и речушками, с непроходимыми болотами и марями, трясинами и топями. В летний зной равнина представляется то ухоженными полями или разноцветными лугами, то выжженной степью, разрезаемыми лесными клиньями и перелесочными клинками. Всё показанное она постепенно уводит за черту горизонта или же упирает в трепещущую в дальнем мареве лесную ленточку, больше похожую на горную грядку или же на мираж на столь неизмеримом на глазок расстоянии. Или заменяет их долготу на поднимающиеся перед глазами до небес непроглядные боры и чащи. Время от времени странствующий оказывается то на дне лощинной долины, то, как будто бы, на вершине лобного плоскогорного плато. Оттуда – с вершины – пред его взором распахиваются наши бескрайние

просторы, сравнимые, разве что, с природными широтой и открытостью души русского человека.

Феерическое буйство полевых и луговых цветов, злаков и разнотравной дурнины – люпина, пижмы, ромашек, рапса, сурепки, ковыля, репешки, репейника, всеми своими цветами и оттенками белого, розового, красного, фиолетового, лилового, зелёного, золотого, жёлтого – являлось повсеместно. Разноцветья, уж я и не знаю – каким образом и по чьему повелению, то сбиваясь полковыми коробками, как на праздничном параде – по видам и родам войск, то смешиваясь друг с другом, как по команде «вольно, разойдись», или же как трудящиеся на первомайской демонстрации – то кучкующиеся, то разбредающиеся, встречали и провожали нас на всём пути, приветливо гордясь собой, наполняя наши глаза белой завистью к их стройной и одновременно безмятежной жизни. Издали эти поля походили на лоскутные одеяла с калейдоскопическими в своей неповторимости и изменчивости узорами, которые когда-то шили мои бабушка и мама.

С бесподобием лугов и полей конкурировали лишь соль же чудотворные величественные лесные чащи. Мы влетали с открытых просторов в густые кущи как-то вдруг – без прилесковых прелюдий: р-р-р-аз – и мы уже там, как в детском фильме – «Сказка о потерянном времени». Световая ярость в одно мгновение оборачивалась вечерними сумерками: с непривычки от такой резкой перемены глазам казалось, что свету пришёл конец, что его вмиг вырубили. Обратный процесс – выезд из чащобы – происходил столь же стремительно: вр-р-р-аз за окнами автобуса вновь являлся озарённый праздничный парад – как будто бы по какому-то чародейскому мановению в кромешной темноте начиналась яркая, сочная, неестественно контрастная круговая кинопанорама.

Дорога то плавно поднималась, то полого спускалась. На двух или трех её отрезках она взмывала вверх, а потом стремглав бросалась вниз, да так, что при подъезде подъем был виден за километр, а при спуске – о его конце невозможно было и догадаться. Несколько мест напомнили мне езду по горному серпантину: с крутыми поворотами на углах холмов перед глубокими, заросшими дурниной оврагами, на дне которых случались или непроходимые балки, или затиненные болота.

По пути мы пересекли множество малоприметных, а иногда картинно живописных ручейков и речушек с самоговорящими названиями – Дубна, Шустра, Чёрная, Берёзовка, Волинка, Каменка, Мечка. Самой широкой предстала река Нерь или Нерь Клязьминская, что означает «лей», впадающая в Волгу. Саму же Нерь питает речка Сольба, на берегу которой и устроилась та обитель, куда я держал своё посольство. Некоторые уречья местами были обустроены незатейливыми, но удобными обихожеными песчаными пляжами.

Кстати, название реки – «Сольба» этимология относит, как один из вариантов, к угро-финским корням и растолковывает, как «живая вода». Или же, как «посольство», то есть «посещение» кого-либо или «прибытие» куда-либо.

Взгляд кидался слева направо и обратно, стараясь разглядеть и объять и запечатлеть всё, до чего он дотягивался, к чему прикасался, что никак нельзя было пропустить. Не исчезающий, явственный восторг от всего этого зрелища и поминутное желание взять, да и умолить водителя замедлить ход, а лучше и вовсе остановиться, чтобы выбежав из автобуса, смешаться самому с этим трепещущим, блаженным разноцветьем, дабы поближе, повнимательнее рассмотреть и тактильно ощутить все краски, а ещё б лучше – с разбега бухнуться в это блаженство всем своим телом, сознанием и душой, в унисон вопияли: «Ты ищешь смысл?! Он – в гармонии!»

А мы всё ехали и ехали. Душа плыла по волнам блаженственного созерцания. Тогда мне вдруг захотелось, чтобы эта дорога к храму не кончалась никогда. И как потом окажется, с такой же жадой я пожелаю не покидать ту святую обитель, до которой всё-таки доберусь точно в срок.

Это просто был какой-то абсурд, ну, в лучшем случае, сюрреализм – одновременные и стройность, и хаотичность всего творившегося и вокруг, и внутри меня. И лишь по причине спёршегося в зобу дыхания, да ещё и из-за того, что мы всё ж таки ехали в рейсовом автобусе, шедшем строго по расписанию, утверждённому местным АТП, ни я, никто другой так и не решились принудить водителя прервать его беспрестанную монотонность – профессиональное выполнение своей работы, дабы, раскрыв чакры, познать прелесть гармонии окружающего нас мира.

Наивысшей же точкой на пути нашего следования – на шестидесятисемиметровой высоте над уровнем моря – стало село Нагорье, где я сделал пересадку на маршрутку. И уже менее чем через полчаса предстал перед воротами охранной белокаменной стены Святой обители, расположившейся посреди расступившегося перед ней южно-таёжного соснового бора, наполненного памятными запахами Балтийского взморья.

На мгновение задержавшись под арочным входом с иконой святителя Николая и с частицей его мощей над ним, оглядевшись по сторонам, словно чего-то ища – то ли, чтобы не забыть своё, то ли чтобы найти, не знаю уж чего или кого – силы в себе или чью-либо поддержку, я перешагнул порог и вошёл в обитель.

II. История монастыря

История зарождения Николо-Сольбинского женского монастыря берёт своё начало в глубокой древности и исходит от мужской пустыни святителя Николая, появившейся на реке Сольбе на Быльцыном поле в четырёх километрах от нынешнего своего месторасположения. Точной даты возникновения той пустыни

не известно. Но в писцовых книгах первой половины XVI века имеются сведения о её нахождении и сельскохозяйственной деятельности, по которым возможно сделать вывод о том, что в конце XV века святая пустынь уже существовала.

В 1506–1511 гг. там же на Быльцыном поле зарождается Николаевский пустынный монастырь на Сольбе, который, по определённым косвенным обстоятельствам, возможно связать с самим преподобным Сергием Радонежским. В Смутное время, примерно в 1609 году, оба монастыря были полностью уничтожены польскими захватчиками.

Второе рождение обители произошло в 1710 году, когда по прошению архимандрита Варлаама (в миру – Высоцкий) – духовника Императриц Екатерины I и Анны Иоанновны, земли разрушенных монастырей были переданы во ведение Борисоглебскому Песоцкому монастырю. Варлаам всю свою жизнь имел особую заботу о Сольбинской пустыни. Его трудами и на его личные средства там были построены каменный Успенский храм, и деревянная Никольская церковь с приделом великомученицы Варвары. После пожара 1725 года церковь под попечением отца Варлаама была вновь отстроена и им же освящена: он продолжил обеспечивать монастырь необходимой утварью и всячески его поддерживать вплоть до своей кончины.

Но в конце XIX-ого века монастырь пришел в полный упадок. Поэтому в 1903 году он был преобразован из мужского в женский. Настоятельницей была назначена игуменья Макария (в миру – Скудина), при которой обитель достигла подлинного расцвета: здесь подвизалось более 100 сестер, имелось обширное хозяйство и немалый достаток.

Начавшаяся в начале прошлого века очередная смута, а затем – Первая мировая война (1914-1918 гг.), революции 1917 года и последующая на них Гражданская война (1918-1922 гг.), вновь круто изменили смиренный уклад святой обители. Так в декабре 1918 года в помещениях монастыря была образована коммуна. Там же располагался ещё и детский дом.

Однако, уже в 1923 году все эти мирские образования на территории монастыря прекратили своё существование. Хотя монахини и продолжали посещать его Успенский храм, в 1937 году помещения монастыря всё же были закрыты. Несмотря на это, игумен Игнатий (в миру – Савочкин), настоятель Успенской церкви с 1923 по 1937 годы, продолжал тайно духовно окормлять прихожан, включая и полторы дюжины сестёр послушниц: община принимала новых членов, отец Игнатий совершал тайные постриги.

Усилившиеся же гонения на веру привели к полному уничтожению паствы и разгону монахинь, две из которых – Анна Никитина и Агриппина Кукушкина – попали в заключение. 20 августа 1937 года игумен Игнатий был расстрелян. Вместе с ним казнили и иеромонаха Паисия (в миру – Елисеев), проводшего в храме всего две службы. Место их захоронения не известно до сих пор.

В конце 1930-х годов монастырь вновь стал пристанищем для социально не защищённых: в нём открыли Сольбинский детский дом № 4 смешанного типа, то есть для мальчиков и девочек. В 1940-х годах там находилось около 40 детей – с 2-х летнего возраста и до 9 класса. В конце 1940-х – начале 1950-х годов там же расположили ещё и интернат для инвалидов Великой Отечественной войны.

В 1954 году Сольбинский детский дом ликвидировали. Спустя семь лет та же участь постигла и интернат для инвалидов: на их месте была создана областная психиатрическая больница. 13 сентября 1994 года психиатрическая больница была закрыта. А полуразрушенные и изуродованные строения монастыря возвернули в лоно Русской Православной Церкви.

26 января 1999 года настоятельницей Николо-Сольбинского женского монастыря была назначена монахиня Еройтида: первого февраля она прибыла туда с тремя послушницами. Во многих лишениях, но с истовой верой они приступили к возрождению и восстановлению святой обители...

С тех пор трудами, стараниями и верой игуменнии Еройтиды, сестер обители и других добрых людей святая пустынь обрела новую жизнь. Теперь в монастыре построено и достраивается 12 храмов (храм святителя Спиридона Тримифунтского, храм святителя Николая, Успенский храм, храм блаженной Ксении Петербургской, храм преподобного Сергия Радонежского, храм мученицы Валентины и другие), часовня, купальня на одном из природных источников реки Сольбы, жилые и хозяйственные помещения, рукодельные мастерские, создан медицинский центр; при обители открыты детский приют, общеобразовательная школа и профессиональный колледж, детский сад и ясли. Воспитанницы школы и колледжа получают всестороннее – и духовное, и светское образование, обучаются музыке и пению, живописи и иконописи, различному рукоделию, театральному искусству, кулинарии.

Настоятельница Николо-Сольбинского женского монастыря игуменния Еройтида (в миру – Гаджу Елена Михайловна) родилась в городе Кишинёве в 1965 году 18 октября. В 2015 году матушка Еройтида удочерила девочку из дома малютки. А теперь у матушки уже семь удочерённых ею деток, старшей из которых девять лет. Первого июня 2021 года матушка Еройтида получила высокую общественную награду – нагрудный знак Первой степени «Мать-героиня».

Возрождение Николо-Сольбинского женского монастыря могло случиться и случилось лишь благодаря истовой Православной Вере, беззаветному усердию, праведному труду и служению многих людей: и тех, кто обрёл себя в обители, и тех, кто к сему, сказанному выше, оказался неравнодушным.

III. Обитель

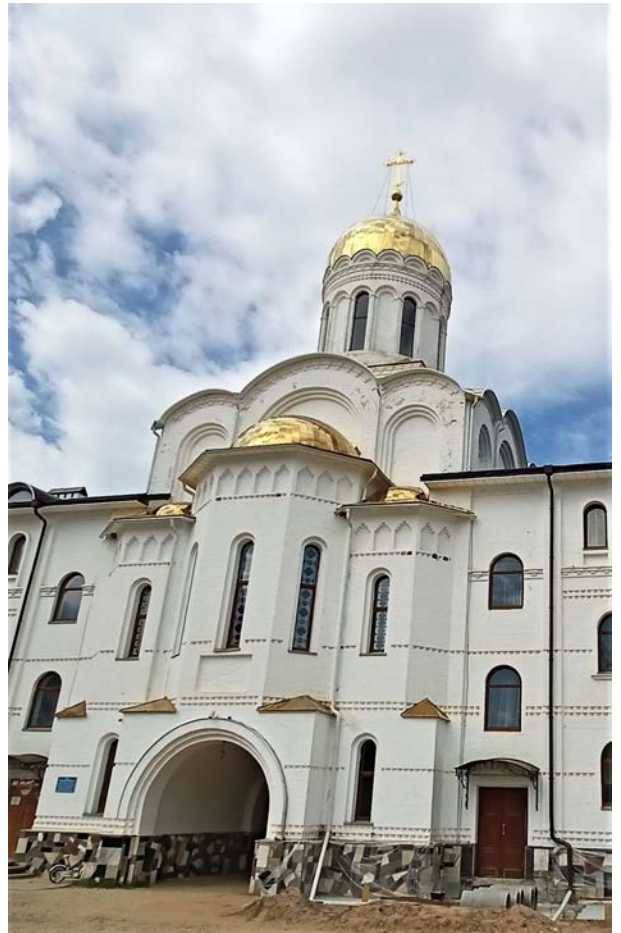
И в вокруг в воздухе, и внутри меня – в сознании и душе – завитало что-то малопонятное, а потому еле уловимое ощущение. Хотя, оно же, вроде бы как знакомое, но почему-то позабытое, а ныне вдруг всколыхнувшееся чувство: чувство благодного удовлетворения и успокоения. Нежданная безмятежность, словно караулившая и ожидавшая меня, как будто бы давно уверенная в моём неприменном приходе, объявилась враз и уж не покидала меня.

Уединив своё сознание, я бродил по песчаным дорожкам обители, дышал откровенным воздухом природы и таинствами истории, пропитанными и пронизанными многовековыми и многочисленными метаниями людских тел и душ, пришедшими в итоге к своему умиротворению, оказывавшихся здесь то ли по собственному желанию, то ли по чужой воле, тут же смиравшихся со своей участью или же бунтовавших до срока – внутри самих себя или на всеведении.

Я ходил, ходил, ходил – без углов, тупиков и краёв по ковру из песка, за века перетёртому пережитым здесь в бус. Было приятно, благодно, трепетно и как-то даже радостно, что внутреннее пространство двора обители не закатано чем-либо искусственным и не замощено булыжником: всё подножье свободно дышало, не мешая общению неба и земли между собой и со мной.

В какой-то момент мне вдруг захотелось, сбросив ботиночные колодки, пойти босиком. И тут же я почувствовал, что я, вроде бы, бос уже. Задумавшись над таким ко мне снисхождением, я с опаской посмотрел на раскрепощённые ступни мои. Но они, как и должно было быть, оказались обуты в дорожные туфли, зашнурованные по края – до узлов с бантиками.

Странно это, но в ступнях обреталась малолетняя босоногая лёгкость: как будто бы я, как в детстве – без усталости, раскованно, без боязни и стеснения перед окружающим и посторонними, в своём же детском образе и теперь бегу по дикому одинокому пляжу Куршской косы в одних лишь коротеньких штанишках, да белой панамке. А из-за песчаных дюн, поросших съёжившимся кустарником, от туда, где нет колючего, сводящего судорогами сквозного ветра, безжалостно пробивающего всё что ни есть под ним, на меня глядят добрые и заботливые глаза моих мамы и папы и моей старшей сестры.

IV. Фестиваль

Колокольный фестиваль прервал мои размышления, начавшись без особых торжественных церемоний и речей: организаторы лишь объявили участников и вкратце поведали гостям об истории монастыря, будничной жизни его послушников и предстоящем действе, ради которого, собственно говоря, сюда и прибыли приглашённые. Представленные звонари, съехавшиеся из разных весей Московской, Тамбовской, Тульской, Рязанской, Оренбургской, Тюменской и других областей, разделившись на группы и взбравшись на все три монастырские колокольни, уже приготовились и ожидали лишь сигнала ведущего, дабы явить нам и друг другу бередящую душу колокольную музыку.

Мой одноклассник Павел, как главный звонарь, начал своё и общее представление. В след за ним и поочерёдно, чтобы не было путаницы и хаоса, и другие звонари заиграли свои трезвоны.

Все гости, разбредшиеся по всему двору монастыря, застыли на своих местах, на которых их застали первые же звуки главного колокола. Закинув головы за плечи, все они устремили глаза свои в высь, туда, откуда понеслись по всему монастырю и его округе колокольные голоса. Звонари, сменяя друг друга на колокольных помостах, то с одной колокольни, то с другой, то с третьей, вещали во всеуслышанье разными языками, но понятными всем услышавшим их и слушающим – праведные мелодичные благозвония, вызывающие приятственный трепет в душах внемлющих.

Я, как и все, задрал голову, наострив слух, как-то машинально переводя свой взор попеременно с одной звонницы на другую, в сопровождении праведных звуков, с благодатью улетел в свои размышления, пытаюсь,

как всегда, разложить их по порядку и гармонии.

Вступили колокола звоном, как к Утрени. Затем последовал звон «Яко Твое есть Царство». Он начинается с благовеста – одиночных ударов в большой колокол. При этом, в зависимости от звонарской техники, тулово может либо быть неподвижным, а сам звон начинается движением его языка – чаще используется в православных храмах, либо раскачиваться, усилиями нескольких звонарей, в количестве достаточном, чтобы надлежаще раскачивать колокол, вес которого может достигать нескольких тонн, дабы выбрать из него нужную тональность и силу звука.

Далее последовали звоны: мелодики, громкость и ритмы которых, каждый звонарь явил свои – на собственные умения и сердечность. Они длились долго: слетевшихся на фестиваль звонарей было много; к тому же, они перебирались с колокольной на колокольную, желая своими руками и слухом постараться распознать душу всех колоколов обители, расчувствоваться самим и удолжить восторгом всех слушателей.

Закончилось представление, как и положено, общим сборным трезвоним – на все праведные и благодатные лады и вкусы.

Есть у колокольного голоса и ещё одно предназначение – созывный крик, возвещающий о пришедшей беде – пожаре, эпидемии, войне. На протяжении многих веков их приход звонари на всю округу оглашали неистовым гвалтом, называемый набатом, одиночных и раскатистых ударов в разные кампаны, нагнетая в душах православных истовую ненависть к врагу, наполняя сердца благодарностью к нашим праведным воинам-защитникам, щемящей скорбью к павшим собратьям нашим. Подобное объявляется видимым тут же по в миг сжимающимся кулаками и зубами и увлажняющимся глазам. Все, как будто бы в замок сцепляются друг с другом заруки и смыкают народный строй, словно связываясь крепко-накрепко, воедино, становятся единым целым.

V. Путь

День подходил к концу. Ярящее всё время солнце спустилось с небес и утомлённо присело на монастырские кровли. Мой взгляд ненароком упал на мои же руки: солнечная печать – плотный, бордово-коричневый загар – незаметно и неизвестно во сколько объявившись, лежала теперь на них и, по-видимому, на моём лице, благообразно, безболезненно, согревая, а не обжигая. И это было странным для меня: обычно я сгораю до язвенных волдырей и обморочного состояния уже через пятнадцать минут солнечной безоблачной атаки, будучи сам в этот время в каюте с закрытым иллюминатором, находясь при этом за полярным кругом в полярную же ночь. А тут и сейчас – в святой обители, говорю это без иронии и ёрничества, никакого покраснения, ни пупырышка; лишь доброе тепло растеклось по всему телу, а благодать заполнила всю душу мою.

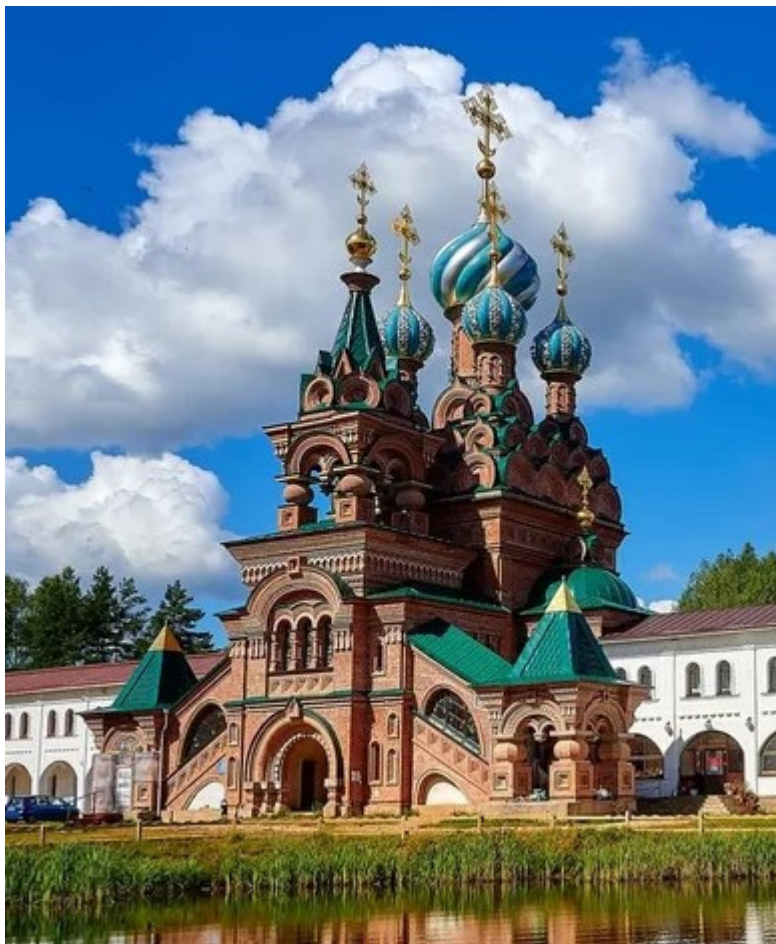
Фестиваль закончился. Пришла пора, раскланявшись с благодарностью с гостеприимной Святой обителью, усердно поворачивать восвояси. Но страшно не хотелось прощаться: не всё было спрошено, не всё услышано, не всё понято...

И тут я вспомнил, как восторгался и радовался подорогесюда–к храму, как жаждалось продлить тот путь до нескончаемости.

«Я вернусь. Я – уже в пути!» – то ли пообещал, то ли признался я себе. Ведь Дорога к Храму, несомненно, имеет своё начало. Дорога к Храму – неизбежна и не имеет конца своего пути.

*

Не закрывай глаза на всякие огрехи.
Потребу умири. Усердствуй не спеша.
Не лсти кумирам. Не проси успеха.
Лишь истово трудись – и расцветёт Душа.

Сергей ЦЕЛИЩЕВ

Ростов-на-Дону

СЕРГЕЙ ЦЕЛИЩЕВ

(Ростовская область) Родился на Сахалине, в г. Поронайск. Писать начал в четвёртом классе на спор с другом. Спор выиграл, написав первое стихотворение «Ночные звёзды». С тех пор пишет рассказы, эссе, прозаические миниатюры, стихи, песни, сказки, загадки. Автор книг «Стихи и загадки», «Новогодние чудеса». Соавтор книг «В лесу родилась ёлочка» и «65 сказок и стихов на каждый день». В настоящее время проживает в Кашиарском районе, Ростовской области. Участник всех Малых Грушинских Фестивалей авторской и бардовской песни. Награждён несколькими дипломами и грамотами за участие в поэтических концертах в детских домах, пионерских и военно-патриотических лагерях.

Я ВЛЮБИЛСЯ В ВЕСНУ

Я влюбился в весну, в её косы салатные,
В её алый румянец, на нежных щеках,
В её голос, глаза, лучезарные, ясные,
В её лёгкую поступь, по рыхлым снегам.

Я влюбился в весну, с перелётными птицами,
В её звонкую воду, хрустальных ручьев,
В теплоту её солнца, и в синь необъятную,
И в белесых до блеска, её облаков.

В её свежую травку, цветы несравненные,
В её нежные листья, пятнистых берез,
Я влюбился в весну, в её молодость спелую,
Я влюбился безумно, я влюбился всерьез.

ЖУРАВЛЬ

Стоит журавль у дороги,
В земле завязли его ноги.
Он не курлычет, не летает,
Один в ночной тиши мечтает:

«Вот, может быть, ночная фея
К нему однажды прилетит.
Испив колодезной водицы,
Его свободой одарит.

А может, сам он встрепенётся,
Расправит крылья – и тогда,
До самых звёзд он вознесётся!»
Об этом ведь мечтал всегда.

Так день за днём и ночь за ночью,
Стоит поникнув головой,
У сруба старого колодца,
Снабжая путников водой.

БЛУДНЫЙ СЫН

Сергею Хоршеву-Ольховскому

Часто вспоминаю я свой дом.
У реки Ольховой деревушка,
Где в густой леваде под холмом,
В старом доме ждёт меня старушка.

Я приеду в свой родимый край,
Где я не был вот уж четверть века.
Милая сторонushка, встречай,
Блудного седого человека.

Я прошёл полмира, полземли,
И нашёл я истину простую:
Сколько видел я чудес земных,
А душою по тебе тоскую.

Припаду я грудью до земли,
Поцелую матушку родную,
И скажу ей: «Милая, прости,
За разлуку долгую такую!..»

Я пройду по полю босиком,
Окунусь в Ольховой, как когда-то,
И верну я детство хоть на миг,
От меня ушедшее куда-то.

Часто вспоминаю я свой дом.
У реки Ольховой деревушка,
Там в густой леваде под холмом,
В доме детства ждёт меня старушка.

СЕРЫЙ ДРУГ

Мой верный друг, мой серый пёс.
Ты преданней людей.
Не раз меня ты выручал,
Среди донских степей.

Ты понимаешь с полу-слова,
Команды все мои,
Мелькают лапы по тр-аве,
Неутомимые твои.

Как в шкodu лезет до-йный гурт,
Ты громко злобно лае-шь.
И как волшебник на бегу,
Всё стадо возвращае-шь.

Не дожидаясь похвалы,
Бежишь ко мне хвост-ом виляе-шь,
Где встанет конь, там ляжешь ты,
Как будто охраняе-шь.

Ночами, двор мой сто-рожишь,
На шорох злобно лае-шь,
И кто во двор бы не вошёл,
Всегда предупреждае-шь.

Рычишь ты на чужих людей,
Для них ты враг зак-лятый,
А для меня ты верный друг,
Мой серый пёс лохма-тый.

Я ВИДЕЛ ОСЕНЬ

Видел нынче я Осень смурную:
В нахлобученном жёлтом платочке,
Опираясь на палку кривую,
Она шла вдоль опушки по кочкам.

Грозя палкой, на птичек кричала,
Чтоб быстрее они улетали
От зимы, что идёт вслед за нею,
На прогретые солнышком дали.

На зелёные листья бурчала,
Не по сердцу окрас ей такой,
Она любит багровый и серый,
Ну а больше всего золотой.

Облака на верёвке тянула,
Вещмешок за плечами – с туманом,
Серый пояс с двумя узелками –
В них завязан мороз с ураганом.

Крикнул я: – «Здравствуй, Матушка – Осень!»
Она молча в ответ мне кивнула.
Оглядев меня взглядом печальным,
На восток от меня повернула.

Я стоял и смотрел вслед ей долго,
Как она не спеша ковыляла...
И над серой землей, как позёмку,
Свой холодный туман распыляла...

НЕДАВНО ВИДЕЛ Я ЛЮБОВЬ

Недавно видел я Люб-овь,
Она у дерева стояла,
И свой печальный не-жный взгляд,
Куда-то в небо напр-авляла.

Трепались косы на ве-тру,
Губа её слегка дрож-ала,
И в синем небе обла-ка,
Немного с грустью провожала.

Я никогда её не виде-л,
А тут смотрю, она стоит,
Меня заметив поверн-улась,
И пальцем подойти велит.

Я подошёл, слегка сму-тившись.
– Вы кто? – я сразу же спросил.
«Я дух Любви, я от-дыхаю,
Стою вот, набираю-сь сил.»

О как же этот дух пр-екрасен,
Я дар свой речи пот-ерял,
Передо мной Любовь стояла,
Её я взглядом измер-ял.

Одета в платье голуб-ое,
Белесый волос, крас-ный бант,
И тот кто создал её образ,
Неописуемый талант.

«Поговори со мной немножко,
А то мне скучно здесь одной,
Ты первый кто меня увидел,
Никто не виделся со мной.»

Я простоял с ней оче-нь долго,
На все вопросы отве-чал,
Её красой остолбене-вший,
Я больше всё-таки молчал.

Она смеялась: «Не пугайся!»
И за руки меня взял-а:
«Не надо так меня бояться!»
И нежно, нежно обня-ла.

Потом пошла своей до-рогой,
А я отправился домо-й,
Петлял как заяц по дороге,
Ведь я был в шоке, сам не свой.

Я сам порой себе не верю,
Что видел я любовь живьём,
Раз есть на свете это чудо,
Знать не напрасно мы живём.

ЗВЁЗДНЫЙ ВЕТЕР

Как в комнате душно, открыл я окно,
На улице звёздно, прохладно, темно,
Космический ветер в окно залетел,
Мою одинокую душу согрел.

Скажи мне скиталец, ответь мне родной,
Возможно ли к звёздам взлететь мне с тобой?
На крыльях твоих я покой обрету,
И где-то на звёздах я счастье найду.

Мне так одиноко, поверь мне родной,
Возьми же, возьми меня ты с собой,
Посланец небесный из звёздного царства,
Найду для души я на звёздах лекарство.

Там нету вражды, суеты, там покой,
Там нету шальной этой жизни земной,
Там нету убийц, лицемеров, лжецов,
Там нету измены и смерти творцов.

Лишь царствие Божие, Иисус и Святые,
Никто не ведет разговоры пустые,
Никто не унизит, не плюнет в лицо,
И душу мою не закрутит в кольцо.

Но ветер прохладой в лицо мне дыхнул,
И в бездне ночи за окном утонул,
Затих может где-то на кроне берёзы,
И канули в воду все мои грёзы.

ЗАКАТ

А мы прожили жизнь с тобой,
Родная наша сторона,
Прорвалась вихрем наша жизнь,
Стоит у вечности она.

Прости нас милая земля,
Что стали мы теперь другими,
Нет прежних сил у нас в руках,
И стали мы совсем седыми.

Прошла былая красота,
Морщины телом овладели,
И вольной стайей белых птиц,
Бесследно годы улетели.

Растили мы своих детей,
И как мы искренно любили,
Теперь уж нет тех светлых дней,
Мы помним их, мы не забыли.

НЕ МОЛОДА ТЫ, НО КРАСИВА

Не молода ты, но крас-ива,
Вот как тебя не пол-юбить?
С тобою рядом нево-зможно,
О бренном мире не забыть.

Твой запах слышу я как пчёлка,
Летающая на розы кус-т,
И так пленит мое же-лание,
Испить дыханье твоих уст.

Мне на тебя не нагля-деться,
Вот так смотрел бы и смотрел,
И если б я тебя кос-нулся,
Наверно от любви б сгорел.

Остановилось бы серд-ечко,
От счастья, что тебя обнял,
Не смог я б ним рас-порядиться,
Его б я просто не унял.

КАПКАН ЛЮБВИ

Ну как не пялить глазки на тебя?
Ну как скажи тобой не любоваться?
Так хочется в объятия тебя взять,
И в губы всласть с тобой нацеловаться.

Ну как тебя глазами не сверлить?
Ну как такой красой не наслаждаться?
В тебя бы каждой клеточкой войти,
И никогда с тобой не расставаться.

Ну как скажи не думать о тебе?
Как по тебе не чахнуть днём и ночью?
Ведь я не выдумал твой образ для себя,
А вижу перед собой тебя воочию.

Хочу за руки нежно тебя взять,
Прильнуть к тебе и губы твои пить,
Не разжимать объятия свои,
А крепче сжав, любить, любить, любить!

Ты мой капкан, в который я попал,
Не вырвусь я с него, как не стараюсь,
Но сладок, нежен, мил этот капкан,
Живу, люблю, страдаю, умиляюсь.

НЕЖДАННАЯ ЛЮБОВЬ

Я видел девушку, а где, никак не вспомню,
Событий столько, просто кругом голова,
Я у друзей о ней спросил, они не знают,
И говорят смеясь обидные слова.

Сажу у друга за столом я на диване,
Мигает ёлочка гирляндами огней,
А я сажу, и ничего не замечаю,
Все мысли в голове моей о ней.

Допив остаток коньяка в хрустальной рюмке,
Я отрешённо опустил-ся на диван,
Смотрю на пол под ёлочкой и вижу,
Там Дед Мороз, а с ним любви моей дурман.

Времён СССР, сидела кукла,
И пристально смотрела на меня,
Тянула рученьки ко мне – звала в объятия,
Так вот кто мучал так меня четыре дня.

Похоже случай мой, похлеще горячки белой будет,
Не знаю, перепил ли, недопил....
Но я серьёзно так в неё влюбился,
Ни разу в жизни я так люди не любил.

Девичья куколка, кусок красивого пластика,
В нарядном платье, бант, бездонные глаза,
В моих руках дрожащих от волнения,
И по щеке, пустой любви моей слеза.

«Что, детство вспомнил? – вдруг друзья спросили,
– Или подружку новую нашёл?»
Я ничего на это не ответил,
Налил коньяк и весь в себя ушёл.

**Сергей
ХОРШЕВ--
ОЛЬХОВСКИЙ**

Лондон

СЕРГЕЙ ХОРШЕВ-ОЛЬХОВСКИЙ Писатель, редактор, председатель правления Международного союза литераторов и журналистов АРΙΑ. Входит в редколлегия нескольких международных журналов и альманахов. Автор шести книг: «Четыре бездны», «Клетчатый пиджак», «Любовь и грех», «Запах родины», «Обыкновенная любовь», «Избранное», готовится к изданию седьмая «Край неба». Соавтор книги «Русский акцент». Главный редактор и один из соавторов книги «Английский акцент». Фольклорно-исторический роман «Четыре бездны – казачья сага» рекомендован директором Центра славянских языков и культур ВГУ Еленой Малеевой к изучению в литературных институтах России. Лауреат многих литературных и казачьих наград. Казачий полковник. Чрезвычайный и полномочный представитель союза казаков России и Зарубежья в Великобритании и странах Европейского союза. Уроженец Ростовской области, с 2001 года проживает в Лондоне.

РУССКИЕ

(Случайно услышанный разговор)

- Я русский, – сказал Иванов.
- И я русский, – ответил Васильев.
- Совсем-совсем русский? – с подозрением скосил глаза Иванов.
- Нет, не совсем, – улыбнулся Васильев. – Я южнорусский.
- Как это южнорусский?
- А вот так. Я казак. Проследил родословную до седьмого колена, начиная с себя, и не обнаружил ни одной посторонней ветви. Ни по отцовской, ни по материнской линии.
- Так далеко углубился? Зачем?
- Свои корни надо знать. Летописец Нестор ещё в начале двенадцатого века задался вопросом: «Откуда есть и пошла русская земля?»
- Ну так это же летописец, и он задался вопросом о народе в целом.
- И отдельному человеку надо знать кто он, и откуда. Вот я и проверил. Я урождённый, как у нас говорят, донской казак.
- А казаки разве не русские?
- Деды и прадеды искренне верили, что они отдельная народность. Про более дальних предков и говорить не приходится. Да их, к глубокому сожалению, выкосили бывшие невзгоды. Некому стало передавать традиции. Вот некоторые из нового поколения и стали считать себя, с середины прошлого века, чисто русскими.
- И это правильно. Мы же все знаем из истории, что донские казаки – это русские, бежавшие от помещиков на Дон, откуда, как известно, выдачи не было.
- Да, бежали иногда. И не только русские, а и другие российские народы. И прибегали они не на пустое место. Нет. Там уже жили люди с местным бытом и традициями. И эти быт и традиции заметно отличались от быта и традиций народов коренной России. И прибегавшие полностью принимали местные обычаи, и потому со временем тоже становились казаками.
- Но что-то же они привносили и своё?
- Да. Тем не менее местное население всегда оставалось обособленным народом.
- А царю-батюшке всё-таки служили верой и правдой.
- Казаки и по сей день верно служат Отечеству на полях сражений.
- Это точно. Вы за Россию любому глотку порвёте. Этого у вас не отнять.
- Не только у нас. Я объездил всю Европу. Видел много наших за границей. Самые разные народы России считают себя там русскими: народы Поволжья, Северного Кавказа, Сибири, Дальнего Востока, крайнего Севера. Это люди с разным бытом и традициями, исповедуют разные религии – православие, ислам, иудаизм, буддизм, шаманство, но там они, повторюсь, все в душе русские.
- Да, да. Знаю. Они сами порой поругивают всякие недостатки на исторической родине, но не дай бог кому-то сказать что-то плохое про Россию... Горой встанут на защиту.
- Это и понятно. Мы все уже так перемешаны – чуть ли не у любого найдёшь дедушку или бабушку другой национальности.
- Как в том анекдоте.
- В каком анекдоте?
- Как мальчик пришёл учиться играть на скрипке, а маэстро спрашивает: «Как твоя фамилия?»
- Иванов, – отвечает малыш.

- А имя?
- Ваня.
- И ты хочешь учиться играть на скрипке? – удивился маэстро.
- Да, хочу.
- Ну ладно, сыграй что-нибудь.

И малыш сыграл, и очень даже прилично.

- Ну а отчество твоё как? – не переставал удивляться маэстро.

- Иванович.

- А папа?

- Иван Иванович.

- Что, и дедушка Иван Иванович? – в ещё большем удивлении воскликнул маэстро.

- Да, Иван Иванович.

- Ну а бабушку-то как зовут?

- Фаина Абрамовна?

- Ах вот как глубоко зарыт талант! – с облегчением выдохнул маэстро.

Васильев сдержанно хохотнул и сурово посмотрел на Иванова:

- Это ты про кого рассказал?

- Про себя! – засмеялся Иванов, и тут же уточнил. – Анекдот конечно сочинили ещё до моего рождения. И талант глубже зарыт. Прабабушка была Берта Самуиловна. Родилась на территории Польши в довоенные времена, но всю сознательную жизнь прожила в Москве и патриотка была невероятная.

- А бывает и по-другому. Есть такие неуживчивые типы, которые не родились на территории современной России, не являются ни по папе ни по маме русскими, отираются где-то за границей, но именно они знают как лучше жить россиянам: русским, татарам, чеченцам, дагестанцам, калмыкам, удмуртам, якутам, бурятам...

- Это ты намекаешь на когда-то маститого шахматиста?

- И не только. Есть литераторы с похожими данными, актёры... А некая, дотоле ресторанная певичка, ставшая известной только благодаря русскому языку, вовсе сходит с ума.

- Ну да. Кто бы её знал без русского языка. В её стране всего-то полтора миллиона населения.

- И что удивительно. Как только у них появится возможность снова засветиться в России и заработать, все тут как тут окажутся. Они снова полюбят страну, они снова станут русскими.

СУДЬБА

(Что на роду написано)

Человек – это то, во что он верит.

А. П. Чехов

1

Много лет назад, в возрасте семнадцати лет, мне довелось трястись на подводе вместе с двумя шестидесятилетними кряжистыми казаками, ехавшими в правление колхоза на приём к председателю. Ради такого торжественного случая казаки принарядились: на них были объёмные серые кепки, мешковатые как будто не по размеру серые костюмы и, казавшиеся непомерно большими, лобастые ботинки. Так, к сожалению, однообразно и серо наряжались почти все мужчины в те тихие незатейливые времена, называемые теперь застойными. Стрижены они были тоже по простенькой советской моде – коротко, неровно, бесформенно, будто бы под горшок. Но один атрибут всё-таки соотвествовал многолетней казачьей традиции – из-под кепок пучком выбивались чубы, походившие на пшеничные колосья.

Я-то, в отличие от них, был ярким парнем – вполне соответствовал провинциальной молодёжной моде тех лет, начавшей постепенно выбиваться из общего русла строителя коммунизма. Я был с длинными до плеч волосами, на которых наискосок восседала матерчатая кепочка в красно-белую полоску; в цветастой рубаше с высоко закатанными рукавами, с расстёгнутыми, до самого низа, пуговками и с большим узлом на пупке, связанным из нижних частей обеих пол той самой рубашки; в синих кримпленовых брюках клёш, до неприличия широченных внизу и в остроносых бордово-красных туфлях на платформе, с высоким каблуком. Я лежал на боку, подложив под голову руку, на свежей золотистой соломе в задке подводы, запряжённой парочкой стареньких лошадей плетущихся монотонным шагом по кочковатой пыльной дороге. Лежал с закрытыми глазами, разомлевший от жаркого степного солнца и запаха душистой соломы, но время от времени открывал их и с интересом оглядывал местность. Казаки сидели спереди на толстой доске брошенной на борта подводы и также монотонно, как шли их кони, говорили о делах насущных, хозяйственных, озабоченные долгим отсутствием дождя. И вдруг один из них оживился, тот, что правил лошадьми.

- У-ух!.. – передёрнул он плечами, когда проезжали опустевший старый двор на отшибе. – Гиблое место!

- И чем оно гиблое? – в очередной раз открыл я глаза.

- Да кто там только не селился, а никому не удалось прижиться надолго. Тут, в старину, видишь ли,

рядом со шляхом, так тогда казаки называли оживлённую дорогу, разбойники ограбили и убили богатого купца вместе с женой, и хотели сжечь их в костре, чтобы замести следы. Да тут вдруг грянула бешеная гроза. Молнии вдоль и поперёк полосовали небо. Грохот стоял такой ужасный, что казалось будто бы лопаются земля. А небеса в тот час прямо развёрглись – рекой потекла вода и не дала разбойникам довершить их зверское дело. Они хоть и были жутко лютые и отчаянные, а всё же испугались божьей кары. Со временем хутор разросся по берегам речки более чем на три версты, и один ушлый казачок надумал построить на том самом месте хату. Но хуторские старцы стали настойчиво отговаривать его – гиблое тут, дескать, место. Да куда там! Не послушал стариков казачок. А зря.

- Почему зря? – спросил я, когда казак примолк.

- Может, и не зря, – присоединился к разговору второй казак. – Место хоть и гиблое по слухам, а всё-таки доброе для хозяйства. И земля черnozёмная, и речка рядом для полива, и большой лужок. Всё в самый раз. А потом же тот казачок был до невозможности везучий во всех делах. Вот и не поверил старикам. Думал – у него-то уж точно всё будет ладно и складно.

- Поначалу-то у него и правда всё шло ладно и складно, – продолжил казак правивший лошадьми. – И урожаи были отменные, и места хватало, где порезвиться скоту. Зажиточным он вскоре стал, и шибко заносчивым – прямо барин. Всё насмехался над стариками, богатея из года в год. А потом, р-раз!.. И пошло всё наперекосяк! И урожаи стали пропадать на полях, и скот стал погибать от какой-то непонятной напасти, и ни с того ни с сего начали помирать малолетние дети. Такие вот, брат, дела. С судьбою не поспоришь...

- И что, съехал он с того места? – поинтересовался я, не дав собеседнику переключиться на другую тему.

- Не-е-ет! Упрямым оказался. И опять зря. Хата его в скорости загорелась от грозы. Хуторяне правда сбежались и не дали огню сожрать его подворье до тла.

- Но хоть в этот-то раз он поверил старикам?

- Опять всё списал на непредвиденный случай и починил хату.

- А может, правда, это всего лишь случай, – не унимался я.

- Нет. Это судьба. Это ему так написано на роду. Очередное предупреждение было. Всё точно так, как в тот самый раз, когда порешили купца. И яркие молнии полосовали небо, и был ужасный грохот, и проливной дождь.

- Это точно, предупреждение ему было, – снова присоединился к разговору второй казак. – Да только он опять не поверил в провидение и зимой угорел вместе с семьёй.

- Да, насмерть все угорели, – подтвердил казак правивший лошадьми.

- Что значит, угорели? – в недоумении переспросил я.

- Печку жарко натопили и, как все это делают в деревнях, прикрыли на ночь заслонку, чтобы тепло до самого утра сохранялось в хате. Да только заслонка почему-то оказалась до конца закрытой, как будто её задвинула какая-то неведомая сила. Сами-то они точно не стали бы этого делать – не маленькие ведь, знают сколько надо.

- И что дальше было?

- Да у всех всё шло наперекосяк, кто бы не селился там. То кто-то на ровном месте покалечит себя, иной раз даже до смерти, то муж жену убьёт из-за ревности, то кто-то сгорит в пожаре, то ещё какая-то напасть. Пустует теперь, как видишь, поместье. Видно, нельзя обмануть судьбу. Всё по божьей воле.

- А учёные говорят – нет бога, – возразил я.

- Ну да, по-твоему, от обезьяны произошёл человек, – недобро хмыкнул второй казак. – А от кого тогда произошла обезьяна? Нет, брат. Что же они теперь не становятся разумными. Теперь-то полегче было бы им. Теперь для них пример есть – люди. Пусть учатся. Ан нет, что-то ничего не происходит с ними. Как ходили голыми, так и ходят, как спали на ветках, так и спят, как ели сырую пищу, так и едят до сих пор. А разве меняются сами люди? Да пусть хоть тысячу лет живут чёрные на севере, а белые хоть тысячу лет пусть живут на юге, а всё равно останутся одни чёрными, а другие белыми. Нет, тут как ни крути, везде божья воля.

- Я не обезьян имел в виду, – убавил я темперамент. – Знающие люди говорят – инопланетяне прилетали на землю. Может, они что-то вложили в наш разум.

- Не мели чушь! Всё на земле от Бога! Как напишет на роду человеку, так всё и будет в его жизни! – вспылал казак правивший лошадьми. – И «планетянами», если они даже и есть на белом свете, тоже управляет Он!

- Что значит, написано на роду?! – загорячился я в ответ. – Это где и как?

- Старые люди так говорили. А они зря болтать не станут, – поддержал неожиданно растерявшегося товарища второй казак. – Спроси любого батюшку, он скажет тебе то же самое. А уж они-то будут поумнее любого учителя.

- А что думаете лично Вы?

- Думаю, Бог каждому даёт судьбу при рождении. Что тебе напишет на роду, так ты и проживёшь, как бы ни крутился и не вертелся в своей жизни. Если суждено тебе пахать землю, то ты и будешь пахать её. Может и станешь, при настырности, бригадиром, или агрономом, если будешь учиться, а может быть даже председателем, но не более того. Всё равно останешься в том самом коридоре, который тебе определил Господь Бог. А уж как он это делает, мы никогда не узнаем, не положено, – твёрдо подытожил более начитанный второй казак.

На этом разговор о божественном закончился, как я ни старался продолжить его.

Прошло много лет, а я ни в коей мере так и не приблизился, в круговерти событий, к разгадке, что же это такое – на роду написано?.. Но однажды, – когда колесо жизни немного замедлилось в стремлении к будущему, когда многие цели были реализованы, или уверенно шли по желанному, ранее намеченному пути, когда многое уже казалось лишней суетой, – настал день подумать о добром и вечном, и я вспомнил тот давний разговор с казаками о судьбе человека на земле. Вспомнил отчётливо, до мельчайших подробностей, как будто это было вчера, и задался новыми, нелёгкими для себя вопросами: «Всё ли я сделал в жизни, что от меня зависело? И всё ли зависело только от меня? Может, людям действительно заранее предначертан весь жизненный путь, как утверждали казаки?..»

* * *

История в некоторой степени повторилась: я ехал в направлении своего родного казачьего края, но уже не на трясущейся старой подводе, а на мягком современном автобусе, и теперь уже я был шестидесятилетний и коротко стриженный, и теперь на мне была монотонная одежда.

На сиденье рядом со мной, по воле случая, не было пассажира. Я прилёг к окну, подложил под голову руку, закрыл глаза и открывал их лишь изредка, как когда-то на подводе, чтобы посмотреть на местность, которую проезжали в тот час. И я снова стал свидетелем разговора о месте человека на земле, о его предназначении и судьбе. Только теперь говорили не пожилые кряжистые казаки, а молодые экстравагантные студенты. Обсуждать их причёски и одеяния не берусь, у каждого поколения своя мода. Однако, к их причудливым, порезанным лезвием штанишкам, с невероятно низко отвисшими задами, как будто не успели добежать до нужного места, ещё не привык. К счастью, в головах у них не одна мякина, о чём частенько ворчат старики. Нет. Они умны и прагматичны в жизни.

– От судьбы никуда не уйдёшь. Вот мы, люди, думаем, что сами решаем свою судьбу, – начал один из них. – Ничего подобного. Мы живём, как в компьютерной игре.

– Это точно. Судьба человека зависит не от него самого. Бабушка моя всегда утверждала: «Как тебе на роду написано, так ты и проживёшь свою жизнь», – перехватил инициативу другой, несомненно верующий парень. – Я сначала в это не верил, но когда повзрослел, понял – она права. Меня всё время как будто кто-то специально ведёт по одной и той же колее, как бы я ни старался выскочить из неё. Теперь-то я знаю, что это божественные силы и мои ангелы хранители.

– И я согласен с вами, – вступил в разговор третий собеседник. – Я тоже долго не понимал, что такое на роду написано, и в школьные годы очень даже спорил со своими бабушками. Наука, дескать, утверждает другое. А теперь стал верить, что есть какие-то сверхъестественные силы, которые управляют людьми.

– И отчего это вдруг? – поинтересовался студент затеявший разговор.

– А оттого, что как я ни стараюсь повернуть свою жизнь в другое, более интересное, по моему мнению, русло, ничего не выходит. Как будто кто-то неведомый заталкивал меня обратно.

– Не возражаю против такого мнения, – сказал четвёртый студент, явный атеист. – Да, нам написали на роду, если говорить народным языком, и сделали это инопланетяне. У всех людей сидят в голове какие-то биочипы, через который они и управляют нами. Примерно так, как мы манипулируем на компьютере спортсменами, или солдатами.

– Ну ты и сравнил! Одно дело манипулировать несколькими спортсменами, или воинами, а другое дело огромным городом, или даже целой страной, – высказал сомнение студент, начавший столь неоднозначный разговор.

– Это точно! Никто не может одновременно управлять миллионами, или даже миллиардами людей, кроме Бога! – возмутился верующий парень. – Тем более разноязыких, разнополых, разных профессий, убеждений, и особенно разных религий.

– Могут! Ещё как могут! – воскликнул атеист. – У них разум в тысячи раз выше нашего! А технические возможности может быть даже в миллионы раз! Они в одну секунду могут выключить любого из нас из их игры, или из жизни – это уже как вам больше нравится, если вдруг что-то пойдёт не по их плану. Или, на худой конец, могут легко изменить его жизненную линию – по-вашему, судьбу. Действительно, ни один человек не уйдёт из жизни по иному, как ему написано на роду. То есть так, как они запрограммировали на своём сверх умном компьютере, или ещё на чём-то там сверхъестественном и пока непонятном для нашего разума. Да, кому суждено утонуть, никогда не сгорит в огне, а кому запланировано погибнуть в аварии, то он и погибнет в ней.

– В последнем суждении ты прав, – вдруг согласился верующий студент. – Несколько лет назад разбился самолёт летевший из Европы в Америку, на который опоздала одна пассажирка. Все посчитали её невероятно везучей женщиной. И когда она через пару дней прилетела в Нью-Йорк другим рейсом целой и невредимой, то и сама уверилась в этом, даже интервью дала по этому поводу. Да не тут-то было. Как только села она в такси и поехала по нужному адресу, так тут же и погибла в аварии. А таксисту хоть бы что. Значит, на роду ей так написано – погибнуть в аварии.

– Однозначно! – с убеждением сказал атеист. – И самолёт упал только из-за неё. Это же тоже очевидно.

– Ну а ты, дяденька, чего всё молчишь, да искоса поглядываешь на нас? – спросил меня зачинщик беседы. – Видимо, не согласен?

– Нет, я согласен. Когда я рос, многие считали себя атеистами. Такие тогда были времена – коммунистические.

И я в юности посмеивался над изречением: «Что написано на роду». Но так случилось, что в моей жизни тоже всё шло как будто по заранее предначертанной стезе, как будто всё время кто-то направлял меня на этот путь. Я даже был участником одной мистической истории.

- Тогда рассказывайте, – предложил атеист, – раз присоединились к нашей беседе.

- Несколько лет назад, одна пожилая женщина рассказала мне историю о том, как её предприимчивый дедушка всю жизнь копил золото, чтобы построить большую усадьбу. Но ему помешала революция. А потом рассказывание, раскулачивание, так и не смог он реализовать свою мечту. Сложил золото в глиняный горшок и закопал в землю. А когда почувствовал, на девяносто пятом году жизни, что умирает, сказал своей жене: «Бабка, золото на девятом углу...» И всё, больше ничего не успел сказать – на каком таком девятом углу? Родственники перекопали все углы и во дворе, и в саду, и в огороде, и даже в сараях, а клад так и не нашли, и решили: «Это судьба. Раз золото не принесло счастья хозяину, то другим от него и подавно будут одни беды. На всё воля Божия.»

Я написал с её слов рассказ, опубликовал в районной газете, и подзабыл эту историю. Но через годик произошло неожиданное событие. Ко мне пришёл один хуторянин, прознав, что я приехал к родителям на побывку, доложил, что у его знакомых есть миноискатель, и стал уговаривать: «Покажи, да покажи, где находился в старое время тот двор, про который рассказывала бабушка, и мы поделимся с тобой добычей». А я толком и не знал, где затаилось то поместье. Ведь большой хутор в более чем двести дворов давно уже усох до тридцати – поди, разберись, где и что было в старые добрые времена. Холмиков даже не осталось от построек.

Дядька жутко расстроился, подумав, что я скрываю от него истину. А я в ответ напомнил ему: «Раз золото не принесло счастья хозяину, то другим от него и подавно будут одни беды. На всё воля Божия.» Не помогло, ещё больше обиделся на меня.

Отпуск как раз закончился, я уехал, и через пару месяцев получил от мамы письмо, в котором она сообщила, среди прочих хуторских новостей, что тот обидчивый дядька скончался скоротечно. И в моём то ли сознании, то ли в подсознании тотчас промелькнуло: «Значит, нашёл-таки чужое золото. А зря, не обманешь судьбу. На всё воля Божия...»

Студентам рассказ понравился, да и моя жизненная позиция в целом, и они тоже поведали мне несколько научно-фантастических историй про наше весьма и весьма захватывающее будущее, которое мне, к сожалению, вряд ли удастся увидеть в этой жизни...

3

На ближайшей станции ребята выскочили из автобуса с весёлыми шутками и прибаутками.

Я проводил их долгим добродушным взглядом и мыслями: «Как прекрасна молодость!..», и в очередной раз задался заковыристыми вопросами: «А как я жил до нынешнего дня? Так ли, как на роду написано? И как, собственно, мне написано?» Я тотчас пролистал в сознании всё своё бытие, удивившись, как мимолётно работает человеческая мысль, и снова задался вопросом: «А мог ли я как-то по другому прожить жизнь до нынешнего дня?» И пришёл к выводу: «В принципе, мог бы, при стечении некоторых обстоятельств. Но в целом я шёл по жизни почти единственно возможным и правильным для меня в каждой конкретной ситуации путём. Хотя иногда и брало сомнение, казалось, что это не совсем моё, не совсем то, что я хотел в начале жизни. Тем не менее всё, что бы я ни делал, давало вполне приемлемый и даже желаемый результат и, в конце концов, приводило к тому, о чём мечтал в юности. Всё складывалось так, как будто я шёл по заранее кем-то выделенному мне коридору. Видимо, это и есть: «Что написано на роду». Есть всё-таки Бог. А если кто-то и считает, что во всём повинны инопланетяне, или какой-то другой разум, то и пусть так считает – каждому своё. Но, что нами, людьми, кто-то и как-то управляет извне, это уж точно!» – решил я, и когда приехал в пункт назначения, спросил старого доброго друга, встречавшего меня на автостанции:

- Александр Иванович, ты веришь в жизнь после жизни?

- Сомневаюсь.

- Зря. Говорят, учёные в скором времени научатся скачивать мозг человека в какое-то устройство, наподобие современной флешки.

- Не думаю, что можно скачать мозг.

- Конечно, не сам мозг, а будут оцифровывать разум.

- Ты то откуда знаешь?

- Вместе с группой студентов довелось ехать в автобусе. Просветили меня.

- И что это даст человеку?

- Как что?.. Тебя уже не будет, а твоё сознание сохранится. Кто-нибудь из потомков вставит флешку в компьютер, или во что-то ещё более современное к тому времени, и ты сразу проснёшься, как будто живой. И резвись себе в соцсетях. Можешь посмотреть кино, футбол, новости, или даже передать через интернет кому-то из потусторонних, таких же как и ты, привет. Прямо-таки бессмертие!

- Хорошо поработали с тобой студенты.

- Да, поработали малость. Но я и сам уже не раз думал об этом.

- Интересная мысль... – призадумался мой друг. – Да только физически всё равно не будет тебя, не будешь ощущать своего тела.

- А зачем оно нужно? – вмешался в наш разговор парень, который пришёл вместе с Александром Ивановичем. – Чтобы дряхлело и болело? Не надо такого тела. Главное разум. К примеру, мой разум хоть куда вставь, хоть в какую-нибудь шкатулку, хоть в статуэтку. Главное, чтобы я мог продолжать познавать мир,

чтобы мог мыслить всегда. Вот что главное!

- Согласен, вполне может быть такое в отдалённом будущем, – не стал особенно спорить Александр Иванович. – Но ты уверен, что потомки захотят включать тебя каждый день в сеть, то бишь в жизнь?

- И не надо каждый день, хватит и двух-трёх раз в неделю. На ночь включают, а утром выключат, уходя на работу. Или наоборот, утром включают, а вечером выключат из сети. Вон сколько получится часов жизни!

- А лучше всего один раз включить, – вставил я, – и не выключать больше.

- Точно! – хлопнул парень себя по лбу ладонью. – Так ещё лучше. Живи себе безвременно, без забот, хлопот и болезней всяких, да радуйся, пусть и виртуальному бытию. В интернете много чего интересного есть, а сколько ещё будет со временем, ого-го! А потом же учёные тоже не будут сидеть сложа руки. Они придумают что-нибудь такое, что решит все проблемы. К примеру, с помощью мысли можно будет самому включать и выключать себя.

- Да, – согласился вдруг со своим спутником Александр Иванович. – Читал я что-то про это. Так, вроде бы, телефоны и компьютеры можно будет включать в скором времени. Да только проблема останется та же. Всё равно кому-то надо будет следить за исправностью электронных приборов. Внуки и правнуки, будут ещё какое-то время помнить своих предков, а вот следующие поколения, которые не знали их живыми, вряд ли.

- Будут. Они же должны понимать, что это и в их интересах. Мало ли какой совет понадобится... А потом же, если они не будут заботиться о прошлом поколении и не привыют это своим детям, то их самих потом не будут помнить.

- А мне всё-таки больше нравится мысль, что происходит реинкарнация и человек возвращается через некоторое время на землю, но в другой ипостаси, – заключил Александр Иванович.

- А мне не нравится! – возвратился я в разговор.

- Это ещё почему?

- Да потому, что ты ничего не будешь помнить о прошлой жизни. А раз так, то это ничем не отличается от полной смерти. Ничем. Лучше уж так, как говорят молодые.

- Господи! – перекрестился Александр Иванович. – Как хорошо, что я живу именно сейчас. Как хорошо, что я ещё могу что-то сделать своими руками, и осмыслить своими мозгами. Не надо мне виртуального, но сомнительного будущего. Не надо. Я рад настоящей реальной жизни, пусть и крайне мимолётной на этом белом свете...

Александра
ДЫМОВСКИХ
Нижний Ингаш

*Александре Дымовских
14 лет. Любит природу,
животных, свой родной
посёлок Нижний Ингаш,
увлекается рисованием,
сочинительством.
Первая публикация
Александры
«Здравствуйте, это я!»
была в журнале «Истоки»
, когда ей было 6 лет.*

Как я провела лето

>>> Я знала, что это лето будет насыщенным, ещё до его начала. Я была полна энергии и хотела получить от этих трёх месяцев максимум удовольствия и веселья. Начнём по порядку.

Июнь сразу дал знать о том, что в это время не стоит расслабляться. В начале этого месяца я ходила на пленер с другими учениками художественной школы. Мы много рисовали, болтали и хорошо проводили время на открытом воздухе.

С 17 числа я начала ходить на школьную трудовую практику. Так как я пошла туда немного пораньше, чем мои одноклассники, я работала вместе со школьниками постарше меня на год. На отработке я познакомилась с 2 девочками и до сих пор поддерживаю с ними общение. Июнь выдался для меня весьма трудолюбивым месяцем, но с трудом еще не было покончено. В начале июля я пошла на свою первую в жизни официальную работу. Это был ТОС — трудовой отряд старшеклассников.

В ТОСе я чувствовала себя не в своей тарелке из-за того, что была плохо знакома с ребятами из своего отряда, поэтому во время работ «металась» из одной компании в другую. Все-таки общение важно даже при выполнении заданий. Но самым главным было то, что я получила достойную зарплату. Половина лета прошла, я потрудились на славу. Наконец-то настало время отдыха!

Есть в Красноярском крае одно место, в которое я влюбилась ещё в свою первую поездку туда. Курортный посёлок Жемчужный (в котором расположено озеро Шира) стал для меня родным местом, в котором меня всегда ждут и встретят с распростёртыми объятиями. Мы поехали туда с моей мамой и ее подругами.

Я жалею о том, что мы проводим там в среднем три дня, но, наверное, этого достаточно для того, чтобы отдохнуть и посозерцать вечером красотой и атмосферой этого чудесного места. Надеюсь, что в молодости смогу приехать сюда уже со своими друзьями, и не один раз!

После Жемчужного я провела один день дома и снова отправилась в путешествие. Это была моя четвертая поездка в Нижний Новгород и Санкт-Петербург вместе с бабушкой. Три дня мы ехали в поезде, нам досталась немного назойливая бабушка-соседка, которой очень хотелось поговорить с нами о прошлом. Я очень люблю поезда за их атмосферу и безмятежность во время пути.

Мы проехали много красивых городов, больше всего мне запомнились Новосибирск, Екатеринбург и Пермь. На нашем холодильнике сейчас висит пермский магнитик с достопримечательностями этого города.

И вот мы приехали в Нижний Новгород. Я очень люблю НН, так его называют местные. В темное время суток он весь начинает «светиться», меня это завораживает. Здесь мы с бабушкой много гуляли по набережной, просто ходили «сами по себе».

Однажды, в одну из таких прогулок, мы попали под сильный ливень. Промокли до нитки, но какие это были эмоции! Все бежали от дождя, а мы с бабушкой наслаждались моментом в этой городской суете. Я чувствовала некую самостоятельность, когда сама вызывала такси и искала путь к нужным местам (бабушка полностью доверилась мне в этом плане). Мы побывали в музее радиотехники, на душещипательной инсталляции, посвященной блокаде Ленинграда, а также в музее тишины. Это место посвящено глухим и слабослышащим людям. Я очень люблю эту тему, поэтому мне было интересно присутствовать на экскурсии по миру, лишенному звука.

Далее мы с бабушкой попали в дом-музей Максима Горького. Здесь он провел свое детство, о котором написал в своем одноименном произведении. Я представляла себе это здание совершенно по-иному, от этого было интереснее разглядывать его комнаты и разные мелкие детали. Дом-музей Горького был не единственным местом, посвященным писателю в нашей поездке. Также я побывала в Болдино, где А.С. Пушкин написал практически все свои сказки! Это очень красивое и умиротворенное место. Экскурсовод рассказал нам много необычных фактов об этом селе, его было интересно слушать. Дополнила эту поездку легкая прогулка по Волге. Мы проплыли мимо многих достопримечательностей города, из которых я больше всего запомнила большой стадион. Наше пребывание в Нижнем Новгороде закончилось, и мы полетели в Санкт-Петербург. <<<<

>>> Я обожаю Санкт-Петербург за его архитектуру и представление этого города как культурной столицы России. Когда-то я мечтала здесь жить, но поняла, что это не совсем «мой» город для постоянного проживания. Здесь мы с бабушкой часто ходили на спектакли и оперы. Больше всего мне понравился спектакль «Вампилов. Оттепель». Это сборник сценок писателя Вампилова из одной газеты. Я давно так не смеялась.

Еще мы были в кафе «Подвалъ бродячей собаки». Там был очень необычный антураж! В этом кафе на сцене читают стихи, прозы, рассказы, пока вы сидите за столиком и едите. Нам с бабушкой удалось попасть на «Веселенькие гастроли» Владимира Высоцкого и его друга Михаила Шемякина. Весь зал громко смеялся, атмосфера была незабываемой. Было видно, что чтецы очень любят свою работу и рассказывают всё с душой. Мы с бабушкой очень хотели попасть в планетарий, и у нас получилось побывать на одном сеансе. Интересный опыт, но в некоторых моментах у нас кружились головы. По моему желанию мы побывали в океанариуме. Эта тема тоже мне очень нравится, поэтому я внимательно рассматривала каждую рыбку. Продолжая говорить о реках, нужно подметить, что кроме Волги в этот раз мы с бабушкой плавали по реке Неве.

На нашем теплоходе играла приятная музыка, вечер прошёл волшебным. Перед тем, как вернуться домой, мы съездили на Финский залив. Было раннее жаркое утро, на пляже практически не наблюдалось людей. Это очень спокойное место, «убаюкивающее» морским шумом. Я долго бродила по песку в поисках ракушек и камней на память. Поездка оставила только положительные эмоции. В начале августа мы вернулись домой, я еще долго «переваривала» все события у себя в голове. А тем временем медленно приближалась предшкольная суматоха.

В этом году я уже меньше расстраивалась из-за конца лета, меня отвлекало то, что моя младшая сестра должна была идти в первый класс. Я сильно волновалась все это время за нее. В целом август прошел более-менее спокойно, чему я даже рада.

Я очень благодарна своим родным за то, что они предоставляют мне возможность не сидеть дома все каникулы, ведь у некоторых не получается так насыщенно проводить лето, как мне. Также я весьма признательна своим друзьям, ведь это они выслушивали все мои рассказы и впечатления и проводили со мной значительную часть каникул. Думаю, мне хватило впечатлений и отдыха на этот учебный год. И вот, полная сил, эмоций и энергии, я готова поглощать знания и постепенно готовиться к девятому классу. <<<<

КРАСОТУ ПРИРОДЫ В В ДОМ

Флорариумом Светлана Привалова заинтересовалась и увлеклась недавно. Увидела как-то в интернете и решила попробовать сама. Получилось. И теперь каждую свободную от работы и семейных хлопот минуту старается использовать в поисках и проектировании дизайна емкости аквариума для растений.

- флорариум – это своеобразная миниатюрная домашняя оранжерея, - говорит Светлана Валентиновна,- Используется для этого специальная емкость из стекла или других прозрачных материалов. В них выращивают специальные цветы: кактусы, мини-папортники, мхи, кротоны, селлагинеллу, орхидеи, мини-фиалки, фиттонии, цикламены..

У Светланы Валентиновны всего пока полтора десятка творческих работ и уже свои почитатели и заказчики.

- Мне приятно, думать, что мои работы приносят красоту и тепло природы, украсят быт и прозу человеческого жилища., -говорит Светлана Валентиновна.

Ореол зем.ли. Флорариум. Светлана Привалова.